

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**4 (24)
2019**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2019

Редактор

Е. В. Невская

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

С. Ш. Абдуллаева

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, Владимир,

ул. Горького, 87.

*Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых*

Адрес редакции:

600014, Владимир,

пр-т Строителей, д. 3/7,

ауд. 231^а

Подписано в печать 28.12.19.

Заказ №

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 12,56

Тираж 500 экз.

*Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87*

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института (главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиозно- ведения (зам. главного редактора серии)
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент директор Педагогического института
<i>И. Й. Деретич</i>	доктор филос. наук, профессор руководитель проекта «История сербской философии», Философский факультет, Белградский университет
<i>В. В. Жданов</i>	доктор филос. наук университета Фридрих-Александра, Эрланген – Нюрнберг (Германия)
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор академик РАН
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой исторического регионове- дения Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой Всеобщей истории
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор проректор Московского педагогического государственного университета
<i>С. А. Мартянова</i>	кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной филологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка
<i>А. В. Ляпанов</i>	кандидат ист. наук доцент кафедры истории России (отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

К. Е. Балдин

Сельское хозяйство в России на пути прогресса: земские склады
во Владимирской губернии в начале XX в. 5

М. А. Полякова

Сеть высших педагогических учебных заведений Донбасса в 1954 – 1964 гг. 14

Е. Н. Самсонова

Князь А.Ф. Орлов и борьба внутри правящей элиты России по аграрному
вопросу в 1857 – 1860 гг. 19

ФИЛОЛОГИЯ

И. А. Королёва, Ю. В. Беляева

Язык современного города: вопрос об образовании неофициальных топонимов
(на материале топонимии города Рославля Смоленской области) 29

А. В. Марков

Переводы Марии Визи из Александра Блока: самосоздание контекстов 36

ФИЛОСОФИЯ

М. Т. Андриюшенко

Субъективная сторона познания: предпосылки, подходы,
современное видение 48

Е. И. Аринин, С. Ш. Абдуллаева, Н. В. Мамедова

«Евроислам» в терминологическом контексте
современного информационного общества 61

М. М. Мchedлова

Российская поликонфессиональность и солидарный образ будущего 66

Н. И. Петев

Субъективный и объективный аспект зла в религии: от политеизма
до современных квази- и псевдорелигиозных концепций 75

А. С. Тимощук

Моральная актуальность христианства 90

Сведения об авторах 99

CONTENTS

HISTORY

K. E. Baldin

Agriculture of Russia in the way of progress: zemstvo warehouses of the Vladimir Province in the early twentieth century 5

M. A. Polyakova

A network of Donbass higher pedagogical educational institutions in 1954 – 1964 ... 14

E. N. Samsonova

Prince A. F. Orlov and the struggle within the ruling elite of Russia on the agrarian issue in 1857 – 1860 19

PHILOLOGY

I. A. Koroleva, Y. V. Belyaeva

The language of a modern city: the question about the formation of informal toponyms (on the material of the Roslavl city toponymy of the Smolensk Region) 29

A. V. Markov

Maria Vezey's translations from Alexander Blok: self-creation of contexts.....36

PHILOSOPHY

M. T. Andruschenko

A subjective side of cognition: premises, approaches, a modern vision 48

E. I. Arinin, S. S. Abdullaeva, N. V. Mamedova

«Euroislam» in The Terminological Context Of The Modern Information Society 61

M. M. Mchedlova

Poly-confessional Russia and solidary image of the future..... 66

N. I. Petev

Subjective and objective aspect of evil in religion from polytheism to the modern quasi and pseudoreligious concepts..... 75

A. S. Timoshchuk

Pertinence of Christian moral philosophy 90

Contributors 99

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В РОССИИ НА ПУТИ ПРОГРЕССА: ЗЕМСКИЕ СКЛАДЫ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена агрономической деятельности земства во Владимирской губернии. Автор рассматривает работу сельскохозяйственных складов, которые были организованы земством. С их помощью местные муниципальные органы внедряли в крестьянское хозяйство незнакомые до тех пор крестьянам минеральные удобрения, сортовые семена и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Это способствовало техническому прогрессу в сельском хозяйстве России в начале XX в. В это время в хозяйствах многих крестьян благодаря техническому прогрессу появились плуги, сеялки, молотилки, сортировальные машины и т. п.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство России, российское земство, земские собрания, агрономия, сельскохозяйственные склады, сельскохозяйственные орудия, технический прогресс.

В начале XX в., накануне Первой мировой войны экономика России переживала заметный невооруженным взглядом подъем. Это относилось не только к промышленности, которая выглядела вполне достойно на фоне других стран Европы. Определенные изменения переживало и сельское хозяйство, которое до тех пор выглядело отсталым, будучи отягощенным рядом пережитков, доставшихся в наследство от эпохи крепостного права.

Сами крестьяне без посторонней помощи, несмотря на свое трудолюбие, не смогли бы добиться этих успехов. Действенную поддержку крестьянскому хозяйству оказывало пра-

вительство. В самые первые годы XX в. была отменена в общине круговая порука, а с 1907 г. начала осуществляться столыпинская аграрная реформа. Но даже при поддержке центральной власти сельское хозяйство не могло бы достигнуть таких позитивных результатов, которые были налицо в предвоенные годы. Неоценимая заслуга в этом принадлежит российскому земству. Среди направлений его помощи крестьянам следует отметить открытие земских торговых заведений, которые снабжали крестьян по сниженным ценам прогрессивными орудиями труда, минеральными удобрениями, семенами полевых и огородных

культур. Это были земские сельскохозяйственные склады, которые пока не стали объектом серьезного изучения региональных историков-аграрников [16,17,18]. На рубеже XIX – XX в. они появились во Владимирской губернии, и на их примере можно проследить особенности их организационного устройства и основные аспекты деятельности.

В конце XIX в., когда земства вплотную взялись за организацию агрономической помощи крестьянам, положение с агротехникой и агротехнологиями в российской деревне было явно неудовлетворительным. Сеяли по старинке своими семенами, удобряли навозом и золой, лошади были слабыми, а крупный рогатый скот – малопродуктивным.

Земские деятели знали об этих проблемах, и в конце XIX в. органы местного самоуправления стали уделять больше внимания снабжению крестьянского хозяйства сортовым посадочным материалом, минеральными удобрениями, породистыми сельскохозяйственными животными. Не забывали они и о сельскохозяйственных орудиях – простейших и более сложных. Владимирский губернский агроном А. К. Гвоздецкий на страницах губернского земского «Вестника» в 1903 г. опубликовал исторический очерк о деятельности местного самоуправления по содействию крестьянскому хозяйству. Именно отсюда можно извлечь сведения о том, что делали земцы в 1880 – 1890-х гг., когда еще никто из них не мог предвидеть, насколько

масштабной станет их помощь крестьянскому хозяйству позже, в начале XX в.

В предпоследнем десятилетии позапрошлого века первым взялось за эту работу Владимирское уездное земство, которое в 1887 г. отпустило 500 р. на закупку сортовых семян под посев зерновых. Очевидно, оно тогда не совсем четко представляло, кто больше нуждался в агрономической помощи, так как этот семенной материал предназначался не только крестьянам, но и «частным владельцам», а под этим термином полтора столетия назад однозначно имелись в виду помещики. Из этого первого опыта видно, что земцы с самого начала вовсе не рассчитывали получать доход от этих торговых операций: семена реализовывались покупателям «по заготовительной цене» [5, с. 14].

Сначала для продажи крестьянам самых необходимых сельскохозяйственных товаров возник земский склад во Владимире, затем последовало открытие аналогичных коммерческих структур в Юрьевском уезде – в 1892 г. и в Александровском – в 1893 г. В 1894 г. приняли решения об открытии складов Шуйское, Ковровское, Покровское и Судогодское земские собрания, а в 1895 г. их примеру последовали земцы в Вязниковском, Переславском и Меленковском уездах. Торговать стали не только семенами, но и различными сельскохозяйственными орудиями и машинами [Там же, с. 14 – 15].

Земства сначала открывали склады в уездных центрах, а потом их

филиалы в наиболее удаленных местностях. В Вязниковском уезде торговля сельскохозяйственными принадлежностями началась очень рано, еще в 1895 г. земскими гласными были отпущены соответствующие средства для торговли, причем не только в Вязниках, но и в селе Холуй. Это объяснялось тем, что уезд протянулся в меридиональном направлении примерно на сотню километров, а Холуй находился в северной его части [6, с. 15].

Плотность расположения земских торговых точек на местности выглядела в различных уездах по-разному. В 1908 г. в Покровском уезде их было 6, в Муромском и Суздальском – по 5, Гороховецком и Меленковском – по 4, Ковровском и Шуйском – по 3, Владимирском – 2, Александровском – всего один склад [15, с. 87].

Успешная работа этих торговых заведений во многом зависела от того, насколько хорошо было налажено их снабжение различными товарами, предназначенными для продажи. Поиски выгодных поставщиков для своих складов земства целенаправленно осуществляли с самого начала своей агрономической деятельности. Земские управы регулярно рассылали в различные известные им фирмы запросы об условиях оптового приобретения сельскохозяйственных орудий, семян, удобрений и других товаров [2, с. 12].

При этом они ориентировались вовсе не обязательно на тех поставщиков, которые находились где-либо рядом. Так, в Покровском уезде для За-

валинского склада купили два вагона семенного овса в Юрьевском уезде той же Владимирской губернии, а для Покровского и Андреевского складов овес привезли из города Елец Орловской губернии. Для складов в Судогодском уезде семенную гречиху завозили из Пензенской губернии [9, с. 6; 3, с. 20].

Главным поставщиком сельскохозяйственных машин для многих складов являлась фирма Липгарт и К°. Она снабжала земледельцев России сеялками, жнейками, боронами, окучниками. Самой популярной продукцией Липгарта являлись плуги самых различных конструкций, приспособленные для обработки разных типов почв [9, с. 5; 1, с. 26].

Что же продавали на земских складах? Определяя ассортимент наиболее распространенных орудий для обработки почвы, Суздальское уездное земство провело анализ производительности плугов разных конструкций. В 1900 г. оно открыло свой склад в уездном центре и сосредоточило основное внимание на продвижении в крестьянское хозяйство улучшенных орудий обработки почвы. Земцы обнаружили, что наибольшей популярностью у местных земледельцев пользовались плуги небольшие, но крепкой конструкции, их выпускала фирма Липгарт. Их конкурентоспособность по сравнению с другими моделями объяснялась в значительной степени дешевизной, такой плуг стоил всего 6 р. 20 к. Единственный его недостаток состоял в том, что он брал довольно узкий

пласт почвы – всего 5 вершков в ширину. Более тяжелые плуги конструкции Анисимова и Корноухова захватывали пласт в 9 вершков шириной, но при этом стоили почти 10 рублей [1, с. 26].

Все чаще рядовой крестьянин под впечатлением от примера своего соседа или под воздействием агрономической пропаганды земства принимал знаковое для себя решение: купить высокопроизводительный плуг вместо использовавшейся им и его предками сохи. Об этом «великом переломе» в сознании крестьян свидетельствуют статистические данные практически по всем уездам Владимирской губернии. В Судогодском уезде сельскохозяйственный склад продал в 1902 г. всего 28 плугов, 1903 – 49, 1904 – 48, в 1905 – 72, 1906 – 97. Земская газета отмечала, что продали бы больше, но поставщик – завод Липгарта, заваленный заказами, не выполнил вовремя все просьбы, поступавшие с разных концов России. В земской газете говорилось, что еще в 1902 г. в некоторых деревнях Судогодского уезда крестьянам плуги были совершенно неизвестны, но в 1906 г. там же были селения, в которых практически все крестьяне отказались от сохи в пользу плуга [9, с. 5].

Еще более впечатляющей выглядит статистика по Владимирской губернии за 1908 г. За этот год в Александровском уезде было продано 175 плугов, Вязниковском – 419, Гороховском – 911, Ковровском – 357, Меленковском – 283, Муромском – 583.

Как это ни странно, но в плодородном владимирском ополье продажи были заметно меньше: в Суздальском уезде – 262 плуга, в Юрьевском – только 67. Впрочем, возможно, что в этих уездах большинство крестьян, желавших обзавестись плугами, уже купили их раньше [15, с. 87].

В начале XX в. промышленный потенциал заводов сельскохозяйственного машиностроения не успевал за резким увеличением спроса на орудия труда по всей России. Поэтому иногда на земских складах возникал дефицит плугов. Покровское земство констатировало, что запас этих орудий труда надо создавать еще зимой [11, с. 26].

В «Вестнике Владимирского губернского земства» один из авторов с энтузиазмом отмечал: «Во всяком случае, надо признать, что соха и косуля в Суздальском уезде доживают последние дни и что замена их плугом представляет только вопрос времени» [1, с. 27]. Как нам представляется, это утверждение все же выглядело излишне оптимистично, но в целом верно отражало одну из основных тенденций развития крестьянского хозяйства.

Наряду с сельскохозяйственными орудиями многочисленные позиции в каталогах складов были заняты семенами самых различных культур под посев. Они требовались ежегодно и в больших количествах: весной – для ярового, а осенью – для озимого клина. Крестьяне до появления земской торговли обычно запасали их сами или же покупали у богатых односельчан. Поэтому суздальские земцы, приступая к

реализации семян, не ожидали высокого спроса на них. В 1906 г. в Покровском уезде для склада в с. Завалино были закуплены два железнодорожных вагона Шатиловского овса, а для складов в Покрове и с. Андреевском – вагон шведского овса. Крестьяне все эти партии раскупили без остатка и остались очень довольны. [9, с. 5].

Значительный и с годами все возрастающий спрос крестьяне предъявляли на семена кормовых трав, для которых они отводили все большие по размерам площади в рамках своих наделов. По данным склада в Иваново-Вознесенске в 1908 г. в тройку самых популярных товаров здесь входили плуги, овес и ...семена вики, при этом даже клевер с тимофеевкой отставали от нее [14, с. 66 – 67].

Однако крестьяне довольно скоро разобрались в преимуществе клевера перед другими травами, необходимыми для создания прочной кормовой базы животноводства. В 1909 г. с уездного земского склада в городе Александрове было отпущено 130 пудов клевера, а в 1914 г. – 1200 пудов, т. е. оборот торговли за пять лет вырос почти в десять раз. Накануне Первой мировой войны из 546 сел и деревень Александровского уезда посевы клевера имелись в 150 селениях. Семена клевера были одним из товаров, которое земство специально продавало с оплатой в рассрочку для того, чтобы ускорить распространение этой культуры [10, с. 6].

Минеральные удобрения долго не могли завоевать симпатии крестьян,

привыкших столетиями полагаться на навоз, золу и перегной для повышения урожайности. В то время минеральные удобрения назывались собирательным словом «туки» (мн. число), например, в следующем контексте: «удобрительные туки». Ими торговали в очень ограниченных количествах. Ассортимент удобрений на земских складах был ограничен, это были: суперфосфат, селитра, костяная мука, гипс [14, с. 66 – 67].

В рекламных объявлениях земских складов почти невозможно найти объявления о продаже строительных материалов, так как крестьянин мог обзавестись ими и без посредничества земцев. Бревна для строительства избы крестьянин находил в соседнем лесу, на болоте рос мох для того, чтобы проконопатить новую избу, гвозди и скобы за небольшую палату ковал местный кузнец. Единственное, чего крестьянин не мог раздобыть таким путем, это было кровельное железо, постепенно получавшее все большее распространение в деревне. Оно быстро вытесняло тес и тем более солому. Земство, хорошо зная о том, что использование кровельного железа способствует повышению пожарной безопасности, завозило его на свои склады все в больших количествах [7, с. 16; 12, с. 51].

В торговле сельскохозяйственных складов время от времени возникали различные проблемы. Среди них довольно типичные можно проследить на примере четырех складов в Покровском уезде. Летом 1902 г. уездная

управа заказала у поставщиков из разных мест сортовые семена ржи – около 600 пудов. Но своевременно к началу сева в августе того же года было получено только 240 пудов, которые почти мгновенно были раскуплены местными крестьянами. В том же году были заказаны, но поздно пришли на склады огородные семена. Несмотря на это, крестьяне их раскупили [13, с. 35].

Оптимальная ценовая политика земства в сельскохозяйственных складах была выработана не сразу. Первоначально предполагалось установить максимально льготные условия продажи товаров крестьянам. Владимирский губернский агроном А. К. Гвоздецкий в своем очерке о земских мероприятиях по содействию местному хозяйству приводит примеры буквально фантастической щедрости земства, делавшего свои первые шаги на этом пути. Когда Вязниковское уездное земство устроило свои сельскохозяйственные склады в уездном центре и селе Холуй, сельскохозяйственные орудия стали продавать местным жителям вообще «без накладки», т. е. с нулевой прибылью, а семена на посев даже со скидкой в 50 %, т. е. в убыток. В соседнем Шуйском уезде земцы постановили отпускать зерновые семена на посев со скидкой в 15 % против закупочной стоимости, а семена кормовых трав – в 50 %, но при обязательном условии, если крестьяне заведут «правильный» севооборот этих культур (клевера, тимофеевки, вики и т. п.) [6, с. 15, 29].

Со временем позиция земцев стала меняться. Они поняли, что бюджеты органов местного самоуправления не выдержат такой щедрости и приняли решение продавать товары с надбавкой, которая компенсировала бы доставку их на склады от поставщиков, а также расходы на жалование работникам складов. Таким образом, деятельность этих хозяйственных структур хотя бы перестала приносить убытки. Экономический совет при Ковровской уездной управе постановил продавать товары с надбавкой в 5 % против закупочной цены, понизив цены только на запасные части для плугов, которые земство старалось максимально распространить среди крестьян [4, с. 35].

О конкретных ценах на различные орудия труда можно было узнать из преискурантов складов. Простейшие из них (лопаты, вилы, грабли и т. п.) стоили, в полном смысле этого слова, копейки. По-иному дело обстояло с усовершенствованными сельскохозяйственными машинами, которые производили отечественные или зарубежные заводы. Например, сеялки Эльворти или Гельферих-Саде стоили по 150 р. каждая, столько же стоила машина-терка под названием «Шенели» для получения семян клевера [15, с. 3].

С самого начала работы сельскохозяйственных складов земства рассматривали их не как источник доходов своих бюджетов, а как инструмент продвижения технического прогресса в крестьянское хозяйство.

С одной стороны, они не хотели, чтобы склады превращались в заведомо убыточные заведения. С другой, — земцы старались установить на продававшиеся здесь товары такие цены, которые были бы максимально доступными для рядовых крестьян. При этом земские гласные и работники управ в своей ценовой политике старались поддержать тех покупателей, которые приобретали больше товаров. Поэтому так называемая «накидка» на цену, по которой земства приобретали товары у поставщиков, была различной. При покупке на складе товара на сумму до 50 к «накидка» составляла 10 %, от 50 к. до 1 р. — 7 %, от 1 до 3 р. — 5 %, более 10 р. — 2 %. Исключение составляли только косы — товар не очень дорогой, но очень ходовой, здесь накидка составляла 15 %. Образовавшаяся от торговых операций прибыль шла не непосредственно в бюджет земства, а использовалась для доставки новых товаров на склад, т. е. способствовала в конечном итоге расширению торговых оборотов [13, с. 35].

Часто крестьяне не имели на руках наличных денег, и земство шло им навстречу, открывая кредит при отпуске тех или иных товаров, но не всех. В рассрочку обычно продавали сельскохозяйственные орудия и машины «не дешевле плуга». Это означало, что таким путем можно было купить только дорогостоящие товары, которые были почти недоступны большинству крестьян при единовременном наличном расчете.

Оформление кредита было обставлено целым рядом формальностей. Крестьянину для начала нужно было раздобыть в своем волостном правлении особый бланк. В нем должны были расписаться надежные поручители (не один!), которые материально отвечали за исправность кредитуемого. Кроме того, на бланке должна была стоять печать волостного правления, которая, в свою очередь, удостоверяла кредитоспособность поручителей.

Правила предоставления кредита заключались в том, что покупатель обязательно должен был внести первоначальный взнос за товар. Чем дороже он был, тем больше был размер задатка. За веялки и машины менее ценные, чем они, первоначальный взнос составлял одну треть общей суммы, а за агрегаты дороже веялок — уже половину. Проценты по кредитам для крестьян были щадящими — в месяц от 0,3 до 0,5 % от всей суммы покупки. Расчет по кредиту мог быть продлен для того крестьянина, чье хозяйство «постигнет какое-либо чрезвычайное неблагополучие», т. е. неурожай [8, с. 14].

Подводя итоги, заметим, что термин «сельскохозяйственный склад» более ста лет назад порождал совсем не те ассоциации, которые возникают по этому поводу сегодня. Это было не только и не столько место складирования и хранения, но и торговое заведение. В целом же сельскохозяйственные склады стали опорными пунктами агротехнического прогресса в российской деревне. Причем этот прогресс наблюдался практически во всех важ-

ных направлениях аграрного производства.

На протяжении веков русский крестьянин использовал традиционную технику – соху-косулю, деревянную борону при посеве, косу или серп при уборке урожая, цеп для его обмолота. Благодаря продаже из сельскохозяйственных складов гораздо более совершенных орудий труда, в обиходе крестьян (разумеется, не всех) в начале прошлого столетия появились плуги, сеялки, молотилки, веялки, сортировки. До этого их можно было встретить только в помещичьих экономиях. Также в крестьянском хозяйстве стал использоваться не доморощенный, а специальный сортовой материал, как отечественный, так и зарубежный. Это касалось и зерновых культур, и кормовых трав, и огородных овощей. До появления земских складов крестьяне для повышения урожайности применяли навоз, золу и перегной, т. е. тот же самый набор, который использовался еще восточными славянами за тысячу лет до этого. После открытия складов в арсенале средств повышения урожая появились минеральные удобрения, в том числе суперфосфат, селитра и др.

Сельскохозяйственные склады не были чисто коммерческими предприятиями, земства и не планировали использовать их как источники каких-либо заметных доходов для своих бюджетов. Местные общественные деятели рассматривали склады исключительно как инструменты своей деятельности для подъема крестьянского хозяйства и избавления крестьянина от

целого ряда посредников, наживавшихся на снабжении сельчан различными орудиями и средствами производства.

В самые первые годы XX в. предпринимались пока робкие шаги, но в то же время были выработаны основные направления помощи крестьянскому хозяйству по снабжению его улучшенными орудиями труда, сортовыми семенами и минеральными удобрениями. Более масштабные мероприятия стали предприниматься с началом проведения столыпинской аграрной реформы. Ближайшей целью этих преобразований было выделение максимально большего числа крестьян из общины. Одной из стратегических целей реформы было создание слоя зажиточных крестьян, которые производили бы все больше продукции. Ею можно было бы не только накормить Россию, но и отправлять ее на экспорт, сделав отечественный бюджет как можно более профицитным.

Земские склады в меру своих возможностей способствовали реализации этой впечатляющей цели. После получения своей доли общинной земли в частную собственность крестьянин имел больше возможностей использовать передовую агротехнику и агротехнологии. Именно эти возможности предоставляло крестьянам земство через свои сельскохозяйственные склады, за счет этого эффективность хозяйств крестьян, особенно единоличников, значительно возрастала. Вместе с тем более эффективным становилось и сельское хозяйство России в целом.

Библиографические ссылки

1. Вестник Владимирского губернского земства. 1900. № 17.
2. Там же. 1902. № 16.
3. Там же. 1903. № 6.
4. Там же. № 7 – 8.
5. Там же. 1900. № 18.
6. Там же. № 19.
7. Владимирская еженедельная газета. 1906. № 1.
8. Там же. № 10.
9. Там же. № 26.
10. Владимирский земледелец. 1914. № 4.
11. Журналы очередного Покровского уездного земского собрания 1905 года. Владимир, 1905.
12. Журналы очередного Покровского уездного земского собрания 1911 года. Владимир, 1912.
13. Журналы очередной сессии Покровского уездного земского собрания 1904 года. Владимир, 1904.
14. Журнал экстренного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1908 г. с приложениями. Владимир, 1909.
15. Отчеты и доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1908 года. По экономическим мероприятиям. Владимир, 1908. С. 87.
16. Петровичева Е. М. Земство и кооперация накануне Первой мировой войны (на материалах губерний центральной России) // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 1 (5). С. 23 – 33.
17. Петровичева Е. М., Ульянова Е. В. Участие Владимирского земства в распространении сельскохозяйственных знаний среди крестьянства в период аграрной реформы П. А. Столыпина // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века : сб. ст. 5-й Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 101 – 106.
18. Петровичева Е. М. Земское самоуправление центральной России в 1906 – 1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности. М., 2003. С. 112 – 115, 124, 197 – 201.

**AGRICULTURE OF RUSSIA IN THE WAY OF PROGRESS: ZEMSTVO
WAREHOUSES OF THE VLADIMIR PROVINCE IN THE EARLY
TWENTIETH CENTURY**

The article is devoted to the agronomic activities of Zemstvo in the Vladimir province. The author examines the work of agricultural warehouses which were organized by Zemstvo. With the help of these warehouses local municipal authorities implemented fertilizers, quality seeds and improved agricultural tools into the peasant farms. These innovations facilitated technological progress in Russian agriculture in the early 20th century. At that time, due to the technical progress, plows, seeders, threshing, grading machines and other tools appeared in many peasant farms.

Keywords: farming in Russia, Russian Zemstvo, Zemstvo assembly, agronomy, agricultural warehouses, agricultural implements, technical progress.

УДК 37.013(477.6)“1954/1964”(045)

М. А. Полякова

**СЕТЬ ВЫСШИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ДОНБАССА В 1954 – 1964 гг.**

Статья посвящена описанию сети учебных заведений высшего педагогического образования Донбасса в 1954 – 1964 гг., также рассмотрению процесса преобразования учительских институтов в педагогические, а также определению причин его развертывания.

Ключевые слова: педагогическое образование, учительские институты, педагогические институты, научно-технический прогресс, высшая школа, педагогические кадры, реформирование образования, народное образование.

Педагогическое образование – неотъемлемый фактор развития и становления социальной, политической, экономической сфер государства и каждого отдельно взятого административного региона. и педагогов [3, 4, 5], однако рассмотрению структуры высшего педагогического образования Донбасса в 1954 – 1964 гг. не было уделено достаточного внимания.

Изучение высшей школы всегда находилось в сфере интересов историков и преобразования. Цель статьи – рассмотрение сети высшей педагогической школы Донбасса, а также изучение процесса ее преобразования.

Сеть высших педагогических учебных заведений Донецкой (Сталинской с 1938 по 1961 г.) и Луганской (Ворошиловградской до 1958 г.) областей в 1954 – 1964 гг. была представлена Луганским (Ворошиловградским) педагогическим, Донецким (Сталинским) педагогическим, Славянским педагогическим институтами и Горловским педагогическим институтом иностранных языков.

В Луганской (Ворошиловградской) области потребности в педагогических кадрах покрывал Луганский (Ворошиловградский) педагогический институт, в то время как на территории Донецкой (Сталинской) области располагалось несколько высших педагогических учебных заведений: Донецкий (Сталинский) педагогический институт, Славянский педагогический институт и Горловский педагогический институт иностранных языков. Данный факт был обусловлен численностью населения. В Донецкой (Сталинской) области демографические показатели превышали показатели Луганской (Ворошиловградской) области почти вдвое.

С точки зрения предоставляемых направлений подготовки педагогические учебные заведения Донбасса периода «оттепели» перекрывали интересы обоих регионов. Так, Луганский (Ворошиловградский) педагогический институт осуществлял подготовку по учебным программам естественно-географического цикла, Донецкий (Сталинский) педагогический институт располагал базой для науч-

но-технической подготовки, Славянский педагогический институт специализировался на психолого-педагогическом цикле дисциплин и предоставлении дошкольного педагогического образования, а Горловский педагогический институт превратился в центр филологической подготовки молодежи.

С первых лет существования СССР в основу развития и становления государства был заложен уровень образованности граждан. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 25.07.1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» указано: «ликвидация культурно-технической отсталости требует скорейшего проведения всеобщего обязательного начального обучения как важнейшей предпосылки дальнейшего развития культурной революции» [1, ст. 40]. Для системы народного образования был начертан общий вектор функционирования: вся деятельность учебных заведений должна была быть направлена на то, чтобы ученики находились на уровне достижений науки и техники, а также отвечали требованиям, предъявляемым народным хозяйством, наукой и культурой. Это было связано с обострившимся противоречием, возникшим между необходимостью адаптации к усложнявшимся потребностям науки и производства с одной стороны, а также инертностью образования, предоставлявшегося общеобразовательными школами, и, как следствие, педагогическими учебными заведениями – с другой.

Советское государственное руководство выдвигало задачу производственного расширения во всех областях народного хозяйства, предполагающую обширное строительство, освоение целинных земель, масштабную жилищную застройку и кадровую подготовку. Так, XX съезд КПСС (1956 г.) выдвинул задачу перехода от механизации отдельных работ к комплексной механизации всего сельскохозяйственного производства, внедрения в производство достижений науки и техники, а также опыта передовых колхозов, МТС и совхозов. Данная стратегия была подтверждена в программе КПСС, принятой XXII съездом КПСС (1961 г.): «обеспечить прочные знания основ наук, изучение принципов коммунистического мировоззрения, трудовую и политехническую подготовку в соответствии с возрастающим уровнем развития науки и техники, с учетом потребностей общества...» [5, ст. 89].

Экономическое и производственное развитие Донбасса не стало исключением. Донецкая и Луганская области относились к Донецко-Приднепровскому экономическому району УССР, одному из крупнейших в СССР. Его промышленно-экономические и социальные показатели оказали существенное влияние на становление и развитие высшего педагогического образования. Донецкий край, богатый разнообразными полезными ископаемыми (каменный уголь, ртутные руды, каменная соль и т. д.), превратил Донбасс в крупнейшую базу угольно-металлур-

гической промышленности, важный электроэнергетический район, а также производителя стройматериалов и продуктов сельского хозяйства.

Экономический статус региона и научно-технический прогресс, на путь которого встала страна, предъявили серьезный вызов системе образования, в особенности педагогического. Возникла потребность в высококвалифицированных специалистах, повышении уровня знаний рабочих и инженеров, теоретически и практически подкованных рабочих кадрах, соответствующих запросам государства. Однако согласно подсчетам около 60 % советских рабочих во второй половине 1950 – начале 1960-х годов имели документы лишь об окончании семилетней школы [2, ст. 129].

Действующая в СССР в начале 1950-х гг. структура среднего образования не соответствовала требованиям, выдвинутому государством, нуждавшимся в высококвалифицированных рабочих кадрах. Согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР» в государстве существовало три типа общеобразовательной школы: начальная (1 – 4 кл.), неполная средняя (1 – 7 кл.), средняя (1 – 10 кл.) [1, ст. 45]. Преобладающей оставалась неполная средняя школа.

Переход ко всеобщему среднему образованию был необходим для дальнейшего развития экономики и промышленности, поскольку общетехническая основа каждой отдельной профессии была ориентирована на специ-

алистов с высшим образованием, в то время как аттестат об окончании семилетней школы открывал дорогу в техникумы, а выпускники средней (десятилетней) школы получали право преимущественного поступления в высшие учебные заведения.

Расширение сети школ влекло за собой не только материально-технические вложения, но и обеспечение необходимой численностью педагогических кадров. В сложившихся условиях расширения среднего образования и повышения требований к квалификации педагогов учительские институты утратили свое значение, задача обеспечения школы-семилетки учительскими кадрами была выполнена. Таким образом, потребности развивающейся экономики советского государства и Донецкого региона в частности привели к одному из первых существенных изменений в высшей педагогической школе – преобразованию учительских институтов в педагогические.

Процесс упразднения и преобразования учительских институтов в педагогические начался в 1952 г. Студенты, не успевшие окончить учительские институты, прикрепленные к педагогическим институтам, продолжали обучаться по прежним учебным планам и программам, а уже после их выпуска учительские институты прекращали свое существование.

В соответствии с Постановлением Совета Министров УССР и ЦК КП(б) Украины от 15 августа 1952 г. № 2641 «О мероприятиях по исполнению рас-

поряжения Совета Министров СССР от 7 августа 1952 г. № 20113-р» в Донецком регионе с 1 сентября 1952 г. были объединены Артемовский и Славянский учительские институты [7]. В 1954 г. после слияния со Старобельским учительским институтом, Славянский учительский институт был реорганизован в педагогический [6].

При Сталинском педагогическом институте с 1 сентября 1954 г. был закрыт учительский институт, а его студенты переведены на соответствующие факультеты и специальности педагогического института.

Согласно Постановлению Совета Министров УССР от 31 августа 1954 г. № 1304 «Об изменениях в сети педагогических учебных заведений Министерства образования УССР» Белоцерковский учительский институт, реорганизованный в сентябре 1953 г. в педагогический, был переведен в город Горловка и переименован в Горловский педагогический институт иностранных языков [8].

Согласно приказу по Министерству образования УССР «О дополнительных мерах по систематизации подготовки педагогических кадров в педагогических учебных заведениях» № 299 от 06.07.1956 г. были объединены с 01.09.1956 г. Днепропетровский и Горловский педагогические институты иностранных языков на базе последнего. Упразднение Днепропетровского педагогического института иностранных языков объясняется тем, что Горловка стала новым центром филологической подготовки [10].

Ворошиловградский педагогический институт пополнился за счет слияния с Глуховским педагогическим институтом по специальности «география» [9].

Таким образом, в период «оттепели» в сеть высших педагогических учебных заведений Донбасса были внесены существенные изменения, обу-

словленные реформированием средней общеобразовательной школы – введение всеобщего десятилетнего образования. В начале 1950-х гг. по всей УССР и Донецком регионе развернулся процесс преобразования учительских институтов и педагогические, поспособствовавший качественному улучшению среднего и высшего образования.

Библиографические ссылки

1. Абакумов А. А., Кузин Н. П., Пузырев Ф. И., Литвинов Л. Ф. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сборник документов. 1917 – 1973 гг. М. : Педагогика, 1974. 560 с. С. 45.
2. Барабина И. А., Гафурова В. М. Политехническое образование в общеобразовательной школе СССР во второй половине 1950 – начале 1960-х годов / Вестник Удмуртского университета. Серия «История и философия». Ижевск. 2016. № 4 Т. 26. С. 129 – 134.
3. Кузин Н. П. Очерки истории педагогической науки в СССР (1917 – 1980) / Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова. М. : Педагогика, 1986. 288 с.
4. Курасов С. А. Социальные изменения советского общества и повседневность провинциальных вузов в период восстановления народного хозяйства (на материалах Владимирской области) // Вестник ВлГУ. Серия «Социальные и гуманитарные науки». № 2 (10). С. 22 – 33.
5. Моносзон Э. И. Становление и развитие советской педагогики. М. : Просвещение, 1987. 224 с.
6. Отчет о работе Славянского педагогического института за 1954 – 1955 уч. г./ Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
7. Постанова Ради Міністрів УРСР і ЦК КПБУ «Про заходи по виконанню розпорядження Ради Міністрів СРСР від 7 серпня 1952 року № 20113-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KP522641.html (дата обращения: 25.11.2018).
8. Постановление Совета Министров УССР от 31 августа 1954 г. № 1304 «Об изменениях в сети педагогических учебных заведений Министерства образования УССР» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://articlekz.com/article/19487> (дата обращения: 13.09.2018).

9. Постановления, приказы, распоряжения директивные письма Министерства просвещения УССР и управления подготовки учителей Министерства просвещения УССР // Государственная архивная служба ЛНР. Р-416. Оп. 2. Д. 124. Л.12.
10. Приказы Министерства просвещения УССР// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 304. Л. 74.

M. A. Polyakova

A NETWORK OF DONBASS HIGHER PEDAGOGICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN 1954 – 1964

The article is devoted to the description of Donbass higher pedagogical education network in 1954 – 1964, as well as to the process of transforming teacher institutes into pedagogical ones and to the reasons of its development.

Keywords: pedagogical education, teacher institutes, pedagogical institutes, scientific and technical progress, higher school, teaching staff, education reform, public education.

УДК 94 (470) «18»

Е.Н. Самсонова

КНЯЗЬ А. Ф.ОРЛОВ И БОРЬБА ВНУТРИ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ РОССИИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ В 1857 – 1860 гг.

Статья посвящена анализу позиций по аграрному вопросу внутри правящей элиты Российской империи в период подготовки реформы 1861 г. через взгляды и деятельность одной из ключевых фигур в российском правительстве конца 1850 – начала 1860-х гг. XIX в. князя А. Ф. Орлова. Рассмотрены цели и способы деятельности основных элитных группировок в качестве типичного примера процесса выработки крупных политических решений в России этого периода.

Ключевые слова: правящая элита, аграрный вопрос, отмена крепостного права, А. Ф. Орлов, Александр II.

Борьба внутри правящей элиты по аграрному вопросу в процессе подготовки Крестьянской реформы 1861 г. интересна с точки зрения вос-
производства типичной для российского абсолютизма конца 1850 – начала 1860-х гг. XIX в. модели принятия крупных политических реше-

ний. Помимо этого, исследование деятельности князя А. Ф. Орлова на завершающем этапе его государственной карьеры дает интересный материал как к его личной характеристике, так и к анализу позиций и методов правящей элиты консервативного толка.

Для характеристики участия А. Ф. Орлова в решении аграрного вопроса во времена Александра II интересными представляются материалы фонда великого князя Константина Николаевича [6, д. 7, 246, 252, 271], эпистолярное наследие самого А. Ф. Орлова из фонда Библиотеки Зимнего дворца [7, д. 1394, 1654, 1993, 2501, 2560], а также материалы из фондов Государственного совета, Министерства государственных имуществ и ряда фондов личного происхождения [20, 21, д. 196; 22, Д. 339]. Опубликованные источники по интересующей нас проблематике в основном представлены мемуарными и эпистолярными материалами активных деятелей того периода: А. И. Левшина [14], Я. А. Соловьева [26], С. М. Борцова [2], Н. П. Семенова-Тян-Шанского [24, 25], а также критическими статьями представителей русской эмиграции, прежде всего князя П. Долгорукова [9, 10, 11] и А. И. Герцена [4]. Деятельность А. Ф. Орлова в «Негласном» комитете освещается в исследовании С. В. Мироненко [16] и книге Л. Г. Захаровой [13].

Во второй половине 1850-х гг. в правящей элите России можно отметить три основные группы по отношению к предстоящей крестьянской реформе. В первую, самую многочис-

ленную среди высшей бюрократии, входили «консерваторы». Они сначала саботировали сам приступ к реформе, а затем пытались внести в нее максимум уступок в пользу дворянства. Условными лидерами этой «партии» были князь А. Ф. Орлов, граф В. Н. Панин, князь В. А. Долгоруков и граф В. Ф. Адлерберг. Вторую группу составляли чиновники, привыкшие добросовестно исполнять поручения императора, но не имевшие крестьян. К ним относились С. С. Ланской и Я. И. Ростовцев. Наконец, третья группа – это бюрократы-«либералы», активные сторонники реформы во главе с великим князем Константином Николаевичем.

Способы борьбы за свои проекты, как вспоминает Н. П. Семенов-Тян-Шанский [25], у всех трех групп были схожи. Это позволяет говорить о сложившемся в российской правящей элите определенном алгоритме действий при выработке и принятии политических решений в условиях абсолютной монархии. Во-первых, это секретность, что сразу ограничило число лиц, которые обсуждали проект реформы. Кроме этого, такой подход, как уже показывал опыт николаевского царствования, позволял завершить обсуждение на любом его этапе и не предпринимать никаких значимых шагов. Во-вторых, это затягивание обсуждения, когда проект мог редактироваться бесконечно, а бумаги часто отправляли Александру II для единоличного решения, к которому он пока был не готов. В-третьих, это дискредитация сторонников противоположных

группировок в сфере государственной и частной жизни. Наконец, четвертый практиковавшийся способ заключался в «случайной» утечке информации и роспуске слухов, не проверяемых в условиях секретности. На «либералов» здесь работала пресса русской эмиграции [25, т.1, с. 10].

А.Ф. Орлов активно включается в подготовку Великой реформы с самого начала, что было продиктовано не только его положением крупного землевладельца (121 000 десятин земли, из которых 51 000 – в черноземной Воронежской губернии, около 17 000 крепостных) [6, д.169, л. 2(об)-7(об.)], но и позицией государственного деятеля, имевшего свой взгляд на освобождение крестьян. Помимо этого, он принимал участие во всех крестьянских комитетах николаевского царствования и имел опыт подобной законодательной работы [23, с. 338]. Однако А. Ф. Орлов не считал себя специалистом в аграрной сфере, отмечая, что «практических сведений о сельском хозяйстве не имеет и потому может судить о предлагаемой проблеме только в общих чертах» [16, с. 119].

После возвращения с Парижского конгресса, как свидетельствуют М. Д. Бутурлин [3] и Н. П. Семенов-Тянь-Шанский [24], А. Ф. Орлов решает удалить из Петербурга графа П. Д. Киселева, «отца» реформы государственной деревни [15], ослабив тем самым «либеральный» лагерь [3, с. 157]. Министр государственных имуществ, граф Киселев, как справедливо отмечает Д. Сандерс, обладал не только ли-

беральными взглядами, опытом в разработке крестьянской реформы, но и влиянием в придворных кругах [28, р. 222]. По воспоминаниям Н. А. Епанчина, Александр II был против подобного назначения, но А. Ф. Орлов и новый министр иностранных дел князь Горчаков убедили его в этом. [12, с. 80]. В результате 1-го июля 1856 г. граф П. Д. Киселев вышел из кабинета императора новым послом России в Париже. «Минута горестная и тяжелая для сердца и рассудка», – писал он брату в Рим в тот же день [12, с. 6].

После отъезда П. Д. Киселева «консервативная» и «либеральная» группировки внутри правящей элиты заключают соглашение, по которому новым министром государственных имуществ назначен сторонник «консерваторов» В. А. Шереметев, но его заместителем стал сторонник «либералов» Д. П. Хрущев. Баланс сил продержался лишь до ноября 1856 г., когда В. А. Шереметев был разбит параличом и в управление министерством вступил Д. П. Хрущев [10, с. 370]. В этой ситуации «консерваторы» спешно ищут новую кандидатуру на пост министра государственных имуществ. Выбор был сделан в пользу М. Н. Муравьева [Там же, с. 299.], который, по замечанию Д. Сандерса, называл вопрос об освобождении крестьян мечтой, «которую вбивают правительству академики...» [28, р. 222].

Кроме графа Киселева необходимо было устранить и министра внутренних дел Д. Т. Бибикова, сочувствовавшего идее освобождения крестьян.

Он не пользовался расположением Александра II и 14 мая 1855 г. был уволен в отставку из-за недовольства литовского дворянства инвентарями [24, с. 129].

3 января 1857 г. князь Орлов был назначен в новый «Негласный» комитет по крестьянскому делу, «с тем, чтобы он заступал место председателя в Комитете тогда, когда Его Императорское Величество не изволит председательствовать в оном» [7, д. 2564, л. 1]. Ему также поручалось и формирование Комитета [Там же].

В этот же день Комитет собрался на свое первое заседание во главе с императором, попросившим держать все происходящее в глубоком секрете. Традиционным было и заявление Александра II о том, что его предшественники «принимали различные меры к устройству и улучшению быта крепостных крестьян» [17, с. 15]. Было также констатировано, что крепостное право отжило свое, но освобождение крестьян требует осторожности и постепенности [Там же, с. 14 – 16]. «Мы начали великое дело», – писал князь Орлов сыну Николаю в Париж [27, 1881, №. 2, с. 230].

«Управителем дел» (секретарем) Комитета, по просьбе А. Ф. Орлова, стал государственный секретарь В. П. Бутков, недолюбливающий министра внутренних дел С. С. Ланского [Там же, с. 230 – 231]. С. С. Ланской пытался назначить на эту должность А. И. Левшина, но безуспешно. Должность секретаря была во многом ключевой: перегруженные непомерным

количеством самых разнообразных обязанностей сановники больше подписывали заранее подготовленные бумаги, чем обсуждали проблемы. А предварительные бумаги, как вспоминает А. И. Левшин, готовил секретарь [14, с. 493].

17 января 1857 г. уже под председательством князя Орлова состоялось второе заседание Комитета. Был зачитан приказ, официально объявлявший о его создании, и определен порядок работы. Предполагалось, что переход к освобождению крестьян должен быть совершен постепенно, поэтому было принято предложение князя Орлова для начала составить из накопившихся материалов Государственной канцелярии подробные записки «об историческом ходе и существе законов об обязанных крестьянах и свободных хлебопашцах» [6, д. 239, л. 4.]. Затем записки поступают на предварительное прочтение членов Комитета, а после – выносятся на его окончательное рассмотрение. Для предварительной работы с материалами была создана особая комиссия, в которую, по распоряжению императора, вошли князь Гагарин, барон Корф и генерал-адъютант Ростовцев. Как свидетельствуют архивные материалы, это вызвало недовольство у вновь назначенных, так как они никогда не занимались устройством быта крестьян. Согласно записи в протоколе князь Орлов ответил, что все члены Комитета, даже имеющие крестьян, никогда ими не занимались. По его мнению, это не является препятствием, так как «такой труд требует

более общего государственного взгляда, нежели опытности в сельском хозяйстве» [6, д. 239, л. 5 – 6(об)]. По вопросам, требующим специальной квалификации, Комитет будут консультировать эксперты [Там же, л. 7 – 8].

В конце второго заседания обсуждался вопрос об огласке работы Комитета. Здесь мнения его членов разделились. Резко отрицательно выступил граф Блудов, утверждая, что это лишь «взбудоражит общество, привыкшее не доверять правительству» [Там же, л. 9]. К нему присоединился князь Долгорукий, заявивший, что это вызовет ложные ожидания крестьян, так как «даже самые четко сформулированные документы могут истолковать превратно» [Там же, л. 10].

Однако подавляющее большинство Комитета (7 чел.) с ними не согласилось. Гласность обсуждения аграрной проблемы должна успокоить дворянство, которое увидит, что правительство ничего не решает за их спиной, и поощрить помещиков, которые захотят облегчить жизнь своих крестьян. В то же время гласность работы Комитета никак не свяжет руки правительству, которое никто не заставит опубликовать новые законы. Комитет же получит время и сможет не спеша обсуждать столь сложную проблему. В результате, окончательное решение было оставлено за императором [6, д. 239, л. 9, л. 10, 11(об), 12(об), л. 17 – 17(об), л. 20 Л. 21–21(об), л. 23(об)].

Александр II не подписал предлагаемого Указа, и Комитет сделался

«гласным» только год спустя, 8-го января 1858 г., вместе с переименованием его в Главный комитет по крестьянскому делу.

Расстановка сил в Комитете в первое время работы была явно в пользу «консерваторов». А. Ф. Орлова поддерживал новый шеф жандармов князь Долгорукий, к которому стекались сведения со всей России. Его ставленником был новый министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, который слыл в придворных кругах за человека необыкновенно умного и вполне знакомого с бытом крестьян. К «консерваторам» принадлежали влиятельный министр двора граф В. Ф. Адлерберг и министр юстиции граф Панин, родственник князя Орлова. «Особое мнение» в Комитете часто имел князь Гагарин, но, по справедливому замечанию сенатора Я. А. Соловьева, оно всегда было лишь нюансом мнения большинства во главе с Орловым [26, 1882. т. 33, №1, с. 234]. Идеологическим центром «консерваторов» стали М. Н. Муравьев и граф В. Н. Панин [Там же, с. 231].

Из значимых фигур князю Орлову противостоял в этот период лишь министр внутренних дел С. С. Ланской, которого поддерживал великий князь Константин Николаевич. «Его заслуги, лета, занимаемое им высшее место в служебной иерархии, общественное положение, родственные связи и главное – сила при дворе, – писал сенатор Соловьев об Орлове, – делали его опасной главой ...оппозиционного движения» [26, 1882, т. 33, № 1, с. 237]. С. С. Ланской

не имел родственных связей с аристократическими фамилиями, что лишало его в необходимый момент сильной поддержки. Но он был свободнее в своих действиях в отличие от Орлова, который «не хотел на старости лет ссориться с дворянством» [26, 1882, т. 33, № 1, с. 237].

В августе 1857 г. император возвращается в Россию и недовольный медленной разработкой реформы вводит в состав Комитета своего младшего брата Константина. После этого назначения ситуация начинает меняться и уже на заседаниях Комитета 14 и 17 августа 1857 г. речь идет о постепенном освобождении крепостных крестьян в три этапа. [6, д. 249, л. 3 (об) – 4(об)].

Но окончательно все меняет приезд генерал-губернатора В. И. Назимова, который привез с собой предложения литовского дворянства. Александр II виделся с ним почти каждый день. Назимов жаловался, что Комитет не дает по привезенным предложениям никакого ответа. Наконец, императору это надоело и он приказал дать ответ через восемь дней [1, с. 465]. Таким образом, 2 ноября 1857 г. Комитет вынужден был принять решение о разрешении дворянству трех губерний (Виленской, Ковенской и Гродненской) приступить к обсуждению подробностей освобождения крестьян, поручив министру внутренних дел и министру государственных имуществ совместно с В. И. Назимовым составить общие положения. Суть этих предложений была рассмотрена на заседаниях 9, 16

и 18 ноября и легла в основу рескрипта Назимову от 20 ноября 1857 г. [6, д. 257, л. 3(об), 4, 5].

После разрешения императора на опубликование рескрипта С. С. Ланской немедленно поручил напечатать документ чиновнику по особым поручениям П. И. Мельникову. Работа была выполнена в большой спешке, и в ночь с 23 на 24 июля 75 экземпляров рескрипта и «отношения» Назимову были посланы на железную дорогу для отправки «хотя бы с товарным поездом» [13, с. 78]. Как пишет Л. Г. Захарова, на следующий день С. С. Ланской сказал П. И. Мельникову: «Вы, вероятно, удивились моей вчерашней торопливости, а ведь нынче ночью было мне приказано помедлить, но я мог ответить, что уже поздно» [Там же].

О взглядах самого А. Ф. Орлова в этот период судить достаточно трудно в силу недостатка прямых источников по данному вопросу. Фактически мы имеем только его «Мнение по крестьянскому вопросу» [5]. Анализируя освобождение крестьян за границей, князь делает вывод, что подобное освобождение в России немыслимо. Другой же вариант реформы будет одинаково невыгоден как для дворян, так и для крестьян. «Нельзя сомневаться, – отмечал князь, – что крестьяне будут разорены первые. По степени еще свойственного им невежества они всех скопившихся на них выкупов платить не станут; но если бы даже и захотели, то не могут, ибо потребных на то громадных капиталов само правительство не имеет: как же требовать

от крестьян, чтобы они создали все из ничего? Поэтому крестьянские участки должны будут беспрестанно продаваться точно так же, как и помещичьи, что приведет к постепенному упадку дворянских и крестьянских хозяйств» [23, с. 338 – 339]. Таким образом, даже по такому небольшому фрагменту мы видим причины его «оппозиционности»: обеспокоенность за судьбы крестьянства и дворянства, и за государство в целом.

В своей борьбе за умеренный характер реформы Орлов был далеко не одинок. За ним стояла мощная оппозиция из придворных и помещиков, которые активно писали Александру II, А. Ф. Орлову, К. В. Чевкину и Я. И. Ростовцеву анонимные письма, выполненные как стилизованные челобитные, с просьбой провести отмену крепостного права с наименьшим ущербом для дворянства. Несмотря на тщательно проводимые расследования, авторов обычно не находили [5, д.1988, л. 4 – 5(об)].

Параллельно с «законодательной» работой Комитет контролировал освещение вопроса об освобождении крестьян в прессе. Например, 3 января 1858 г. слушали записку министра внутренних дел о разрешении печатать в журнале министерства статьи о работе Комитета [6, д. 277, л. 31.]. Расследовались и случаи утечки секретной, «служебной» информации, изредка происходившей с попустительства «либералов» [5, д. 102].

Весной 1858 г. князь Орлов заложил свои и своей жены имения в опе-

кунский совет. Вырученные деньги были переведены в золотые слитки и отправлены за границу. Примеру князя Орлова последовали граф В. Н. Панин и граф А. И. Гудович, что вызвало панику среди дворянства – «по всей России о том говорили и спешили подражать» [8, с. 52]. Императором это было расценено как открытый саботаж реформы, но сделать он ничего не мог, поэтому, посердился – «и тем все кончилось» [19, с. 373 – 374].

После открытия губернских комитетов борьба между разными течениями в правящей элите была перенесена на местный уровень. Так, М. Н. Муравьев и В. П. Бутков отправились в путешествие по губерниям, где в частных беседах намекали дворянам, что крестьянский вопрос уже решен. В случае успеха этой акции «либералам» пришлось бы писать положения крестьянской реформы без материалов с мест. Однако С. С. Ланской приготовил специальный циркуляр для губернских комитетов, призывая их продолжать работу. 29 августа 1858 г. он был подписан Александром II, а вернувшемуся М. Н. Муравьеву было сделано серьезное внушение [26, 1882, т. 33, № 1, с.139 – 140].

Образование Редакционных комиссий привело к новой перегруппировке сил в правительственных кругах. Новое назначение Я. И. Ростовцева, как вспоминает сенатор Я. А. Соловьев, было крайне неприятно С. С. Ланскому, так как отодвигало его самого на второй план в решении крестьянского вопроса. Для А. И. Левшина это

послужило поводом к отставке. Но и Я. И. Ростовцев стал тяготиться опекой С. С. Ланского, сближаясь с «консерваторами» с целью ограничить самостоятельность Министерства внутренних дел. Результатом стало высочайшее повеление, по которому Министерство внутренних дел обязывалось проводить свои решения по вопросам из губернских комитетов через Главный Комитет. Это мера очень задела самолюбие С. С. Ланского [26, 1883, № 3, с. 610].

Князь Орлов в этот период активно использует и родственные связи, действуя через своих племянников – братьев Безобразовых. Один был автором записки, переданной императору князем Долгоруким, с предложением созвать особое совещательное собрание для обсуждения главных государственных вопросов, и, прежде всего, крестьянского [25, т. 3, с. 348]. Другой стал инициатором громкого скандала вокруг Н. А. Милютина, едва не закончившегося его полной отставкой [19, с. 374].

Эти закулисные игры «консерваторов» очень возмущали великого князя Константина, о чем он не раз пишет в своем дневнике [18]. Однажды он даже заявил в Комитете, что «правительство сумеет создать новое дворянство», если готовящаяся реформа не будет поддержана [Там же, с. 210].

Нервное напряжение, связанное с борьбой по аграрному вопросу, отрицательным образом сказывалось на здоровье ее уже немолодых участников. Так, 6 февраля 1860 г. умер Я. И. Ростовцев, тяжело проболев три месяца. Князь

Орлов в результате обширного паралича также был вынужден уйти с государственной службы. С конца сентября 1860 г. в Комитете уже официально председательствует Константин Николаевич [8, с. 636].

Однако опасность угрожала не только со стороны «консерваторов». «Крестьянский вопрос всем жестко надоед, – замечает А. Кошелев в письме к И. С. Аксакову в Мюнхен, – и желают его как-нибудь кончить. Опять страшная апатия овладела резиденцией...» [5, д.1959, л. 50]. Ему вторит другой современник: «Повсюду видна всеобщая усталость и равнодушие», – пишет Громека из С.-Петербурга М. И. Каткову в Москву [Там же, л. 56].

В этот период Комитет стал собираться очень часто. «В последнее время мы работали как каторжники, – писал Ю. Ф. Самарин А. И. Кошелеву 13 октября 1860 г. – Орлов при смерти и председателем Главного комитета назначен великий князь...Я имею надежду, что проект пройдет без большого искажения...» [27, с. 213]. Подготовка крестьянской реформы выходила на завершающую стадию, закрепив окончательную победу «либералов», которых поддерживал правящий монарх.

Участие в подготовке отмены крепостного права было последним крупным государственным делом А. Ф. Орлова. Осыпанный почестями, он был отправлен на покой с сохранением звания генерал-адъютанта. Указ 18 февраля об отмене крепостного права в России был опубликован за три месяца до его смерти.

Библиографические ссылки

1. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1901. Кн. 15. 522 с.
2. Борцов С. М. Из воспоминаний о князе А. Ф. Орлове // Рус. старина. 1905. № 5. С. 56 – 58.
3. Бутурлин М. Д. Записки // Рус. архив. 1898. № 1. С. 125 – 164.
4. Герцен А. И. Собр. соч. В 30 т. М., 1956. Т. 8. 518 с; М., 1959. Т. 15. 529 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 109. Третье отделение С.Е.И.В. канцелярии. Секретный архив Оп. 3.
6. ГАРФ. Ф. 722. Романов К. Н. Оп. 1.
7. ГАРФ. Ф. 728. Коллекция документов Зимнего дворца. Оп. 1.
8. Джаншиев А. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. 893 с.
9. Долгоруков П. Министр Муравьев // Будущность. 1860. № 5. С. 35 – 40.
10. Долгоруков П. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860 – 1867. М., 1992. 558 с.
11. Долгоруков П. Рескрипт князю Орлову или официальные туры на колесах // Будущность. 1861. № 8. С. 61 – 63.
12. Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. 320 с.
13. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России: 1856 – 1861. М., 1984. 254 с.
14. Левшин А. И. Достопамятные минуты в моей жизни // Рус. архив. 1885. Кн. 2. С. 475 – 550.
15. Ляпанов А. В. Государственные крестьяне Владимирского уезда первой половины XIX в. // Вестник ВлГУ. Серия «Социальные и гуманитарные науки». № 3 (23). С. 13 – 18.
16. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. 235 с.
17. На заре крестьянского дела // Рус. старина. 1897. Т. 92. № 10. С. 5 – 35.
18. Переписка императора Александра II с Великим князем Константином Николаевичем. Дневник Великого князя Константина Николаевича. М., 1994. 383 с.
19. Письма Н. А. Мельгунова А. И. Герцену // Литературное наследство. Т. 6. Ч. 2. М., 1955. 308 – 387 с.
20. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1280. Государственный Совет. Оп. 8.
21. РГИА. Ф. 1101. Министерство государственных имуществ. Оп. 1.
22. РГИА. Ф. 1018. Паскевич. Оп. 8.
23. Русский биографический словарь. СПб., 1997. Т. 12. С. 330 – 341.
24. Семенов-Тянь-Шанский Н. П. Начало эпохи освобождения крестьян от крепостной зависимости. Из воспоминаний последнего оставшегося в живых

- участника законодательных работ этой эпохи // Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994. С. 112 – 136.
25. Он же. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1889. Т. 1. 458 с., Петроград, 1915. Т. 3. 504 с.
26. Соловьев Я. А. Крестьянское дело 5 августа 1858 г. Записки сенатора Я. А. Соловьева// Рус. старина. 1881. №. 2. С. 211 – 247; 1882. Т. 33. №. 1. С. 227 – 259. №. 3. С. 564 – 597; 1883. Т. 37. №. 2. С. 259 – 291.
27. Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии. Т. 1. Кн. 1. М., 1901. 331 с.+176 (приложения) с.
28. Saunders D. Russia in Age of Reaction and Reform (1801-1881). London, 1992. 386 p.

E. N. Samsonova

**PRINCE A. F. ORLOV AND THE STRUGGLE WITHIN THE RULING ELITE
OF RUSSIA ON THE AGRARIAN ISSUE IN 1857 – 1860**

The article is devoted to the analysis of the Russian Empire ruling elite's positions on the agrarian issue during the preparation of the peasant reform of 1861 through the views and activities of one of the key figures in Russian government in the late 1850s and early 1860s of the XIX century – Prince A. F. Orlov. The goals and methods of the main elite groups' activities as a typical example of the process of developing major political decisions in Russia of that period are considered in the article.

Keywords: ruling elite, the agrarian question, the abolition of serfdom, A. F. Orlov, Alexander II.

**ЯЗЫК СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ВОПРОС ОБ ОБРАЗОВАНИИ
НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ТОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИИ
ГОРОДА РОСЛАВЛЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье на материале названий внутригородских объектов рассматриваются способы создания неофициальных топонимов города Рославля Смоленской области. Материал был собран методом анкетирования жителей города и отражает особенности живой разговорной речи. Анализируется выделение группы топонимической лексики с точки зрения активности способов её образования и частотности названий; показывается место неофициальной топонимии в структуре языка современного города.

Ключевые слова: язык города, топонимика, неофициальные топонимы, способ образования, город Рославль Смоленской области.

Язык города – один из источников обогащения русского литературного языка как высшей формы национального языка. На определённом этапе его развития он имеет неоднородный состав. Язык любого города состоит из различных языковых подсистем, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Традиционно выделяются следующие: литературная речь, разговорная речь, просторечие, жаргоны и сленг. Также в лексике горожан можно выделить особую подсистему, а именно топонимы, т. е. внутригородские названия географических объектов, причём они составляют особую топонимическую подсистему, которая изучается специальной областью языкознания – топонимией. Языковед, критик Николай Иванович Надеждин (1804 – 1856) дал образное определе-

ние топонимики. Он писал, что первой страницей в топонимических трудах должна быть географическая ландкарта, притом не только как вспомогательное средство, но и как богатый архив самих документов, источников изучения. Название науки – это соединение двух греческих корней *topos* и *опута*, что означает соответственно «место» и «имя».

Топонимика тесно связана с рядом других наук, наиболее ярко это взаимовлияние прослеживается с географией и историей. Ведь для того, чтобы изучать название того или иного топонима, во-первых, нужно иметь чёткое представление об этом объекте; во-вторых, нужно хорошо знать историю народа, проживающего вблизи этого объекта, так как географические названия тесно связаны с историче-

скими событиями, происходившими на территории, близкой объекту. Топонимика же является отраслью более широкой науки – ономастики (которая изучает имена собственные) [11, с. 3 – 8].

Официальные топонимы – это многосложные, часто состоящие из двух и более слов именованья городских объектов. Они закрепляются в различных документах – на картах, в справочниках города. Из-за своей сложности официальные топонимы нередко имеют параллели – неофициальные внутригородские именованья. Мы будем называть их неофициальными топонимами.

Неофициальные топонимы – это некодифицированные номинации, являющиеся достаточно устойчивыми выражениями. Они не закреплены в словарях и существуют в речи жителей города как неофициальные, или дополнительные, названия тех или иных географических объектов [7, с. 244]. Стоит заметить, что неофициальные топонимы еще недостаточно хорошо изучены, даже нет единой точки зрения относительно терминологии.

Локализмы, регионализмы, региолекты, узуальные номинации, неофициальные регионализмы, топонимы-прозвища, урбонимы и прочее – всё это неофициальные топонимы. Даже термины и понятия неофициальных топонимов являются темой дискуссий и одним из наиболее актуальных вопросов для изучения среди учёных-омонимистов.

Следует отметить, что неофициальные названия – это не просто лексика и фразеология, характеризующая городские объекты, а лексика особого рода, изучение которой предполагает разные аспекты рассмотрения: социолингвистический, психолингвистический, лингвокультурологический, этнолингвистический и др. Контаминация этих направлений определяет междисциплинарный характер топонимики [8, с. 4 – 5]. При этом обязательно следует уточнить, что неофициальные топонимы – это народные названия частных городских объектов (улиц, площадей, скверов, архитектурных зданий, памятников, деталей ландшафта, водоёмов и пр.) [5, с. 3].

Неофициальным топонимам свойственны следующие признаки:

1. Высокая степень сменяемости – существование данного пласта речи приводит к появлению их вариантов. Неофициальные топонимы, в отличие от параллельных им официальных названий, меньше нацелены на раскрытие колорита конкретной эпохи развития общества, они в наибольшей степени раскрывают черты и бытовые условия жизни людей.

2. Низкий показатель известности – в основном данный тип внутригородских наименований нацелен на небольшую локальную группу горожан.

3. «Называние» того или иного городского объекта по хорошо известному и всем понятному ориентиру, поскольку это способствует пониманию субъектов в речи.

4. Преобладание искусственной номинации над естественной – неофициальные названия возникают стихийно в речи горожан для обозначения того или иного места в городе [4].

Как известно, Россия – это многонациональная страна, имеющая огромную территорию, поэтому в каждом городе мы можем встретиться с неофициальными внутригородскими наименованиями – смоленскими, калужскими, тульскими, астраханскими и пр. В городе Рославле Смоленской области они также присутствуют, что является естественным языковым явлением. Рославльские неофициальные топонимы отражают определённую часть языковой картины города и особенности речи горожан.

Рославль – один из главных районных центров Смоленской области, который располагается на двух реках – Становке и Глазмойке (приток Остра), примерно в 102 км от Смоленска. Население города составляет около 53 тыс. жителей, площадь – 3835 га.

Возник Рославль в качестве южной заставы – крепости Смоленска. Основал город смоленский князь Ростислав Мстиславович. Первоначальное название города – Ростиславль. Условной датой возникновения Рославля принято считать 1137 год.

За свою многовековую историю Рославль был свидетелем и участником многих исторических событий. Вот некоторые из них: в 1376 – 1512 годы (с небольшим пере-

рывом в 1500 – 1503 годах) Рославль был в составе Великого княжества Литовского; с 1522 года Рославль относится к Московскому княжеству; город официально входил в состав Польши по Деулинскому перемирию с 1618 года; 1654 год – год окончательного присоединения города к России. В те давние годы это была порубежная приграничная русская территория, Рославльский район находился на границе России и Речи Посполитой.

Советская власть в Рославле была установлена в октябре 1917 года. Годы Великой Отечественной войны – самые тяжёлые в истории Рославля: город был оккупирован немецко-фашистскими войсками 3 августа 1941 года, а освободили его войска Западного фронта в ходе Смоленско-Рославльской операции только 25 сентября 1943 года.

Промышленность города представлена рядом заводов: РААЗ (Рославльский автоагрегатный завод), стекольный завод, вагоноремонтный завод, авторемонтный завод.

Образование города представлено следующими учебными заведениями: общеобразовательными средними школами (их 10), православной гимназией при Спасо-Преображенском соборе, заведениями среднего профессионального и средне-технического образования, филиалом МПСУ, а также учреждениями дополнительного образования [9, с. 387–389].

Как мы показали, Рославль имеет многовековую историю; сегодня

несомненно как географические особенности, так и богатая история нашли и находят отражение в неофициальной топонимии города – второго по значимости в Смоленской области, одного из самых западных регионов России.

Цель данной статьи – проанализировать неофициальные названия города Рославля с точки зрения их образования.

Отметим, что неофициальные названия городских мест Рославля очень мало изучены, работа ещё только началась [2, 3]. Вместе с тем неофициальные топонимы представляют огромный интерес не только для краеведов и филологов, но и для самих жителей города как источник исторической памяти и народной культуры.

При сборе языкового материала мы провели опрос среди жителей города Рославля, причём нас интересовали разные возрастные группы населения. Всего в опросе принимали участие 70 чел., большинство из которых школьники Рославльской МБОУ «Средняя школа № 1», а именно: это учащиеся 5 кл. в количестве 17 чел., 8 кл. – 19 чел., 11 кл. – 12 чел., также взрослое население города – 22 чел. Всего картотека неофициальных топонимов города Рославля составила 53 городских неофициальных названия. Это пока немного, но даже такое количество активных неофициальных топонимов позволяет сделать достаточно объективные выводы.

Обратимся к анализу собранного материала.

Сам термин *словообразование* рассматривается в науке двояко. Во-первых, как собственно «процесс образования новых слов»; во-вторых, как «раздел науки о языке, в котором изучается словообразовательная система русского языка», включающая в себя: конкретные элементы структуры слова (корни и аффиксы слова); собственно сами производные и непроизводные слова; нормы объединения слов в словообразовательные типы (общность словообразовательного значения) [10, с. 165, 169].

В русле общих процессов словообразования мы и рассмотрели собранный нами материал (неофициальные топонимы Рославля). Безусловно, большинство способов характерны и для литературного языка, но также есть и специфические способы образования неофициальных названий. При анализе собранных нами топонимов были выявлены следующие способы создания неофициальных названий:

1. Суффиксальный способ, или суффиксация, – это выражение словообразовательного значения посредством суффикса.

Железняк – овраг возле железнодорожного переезда, образованный в низине реки Глазмойка (в названии суффикс *-як-*, который добавлен к основе *железный* – железная дорога);

Варшавка – трасса «Москва – Бобруйск», идёт на Варшаву;

Песчанка – карьеры на Юр-горе, где добывается песок;

Шпагатка – шпагатная фабрика;

Кирпичка – кирпичный завод;
Трикотажка – трикотажная фабрика;

Шестёрка – 6-я тюрьма;

Стеколка – стекольный завод.

Модель с добавлением суффикса -к-, имеющего разговорный характер, очень активна в неофициальной топонимии, так как образует одно слово, заменяющее словосочетание, что также является и экономией языковых ресурсов.

Грузинка – дорога от 15-го микрорайона до РААЗа, по которой часто возят тяжёлые грузы (в названии суффикс -инк-, который добавлен к основе глагола *грузить*);

Прилёповка – район Рославля на выезде из Рославля в сторону Кирилл (в названии суффикс -овк-, который добавлен к основе *прилепить*).

Рассмотренные примеры представляют собой образования с разговорными суффиксами; в основе топонима сохраняется значение действия.

Пищевик, или *Крахмалка*, – пищекомбинат на ул. Большая Смоленская (в названии суффикс -ик-, который добавлен к основе прилагательного *пищевой*, или суффикс -к- – к основе существительного *крахмал*; суффикс -к- делает топоним разговорным, усиливает его сленговый характер).

2. Названия из молодёжного сленга (учебные заведения)

Все образования оценочны, причём они имеют негативную окраску.

Способ образования – суффиксальный или сложносуффиксальный.

Медуха – медицинский колледж (суффикс -ух- придаёт слову просторечно-сниженный характер);

Желдор, или *Желдорка*, – железнодорожный колледж (сложносокращённый способ с добавлением разговорного суффикса -к-, который придаёт слову окраску сниженности);

Чмуха – 25-е профессиональное училище (суффикс -ух- придаёт слову не просто просторечно-сниженный характер, но и оскорбительный; в основе жаргонизм с резко негативной оценкой слова *чмо* «ничтожный человек»);

Саха – сельскохозяйственный колледж (аналогия с сокращением «сельскохозяйственная академия» и нарицательным существительным *соха* – «сельскохозяйственное орудие производства»).

3. Образование топонимов по каким-либо историческим фактам, информация о которых содержится в основе самого топонима

Девичье горе – место на реке Остёр, небольшой островок в заводи, где ещё в 60-е годы XX века была изнасилована и убита дочь смотрителя лодочной станции. На него стараются не заплывать (неофициальный топоним образован посредством описания события, произошедшего на этом месте, а не по самому городскому объекту; дается образная метафорическая оценка);

Клопов колодец – колодец, который по распоряжению купца Клопова вырыли для общественных нужд ещё в середине XIX века в районе улицы

Пайтерова (неофициальное название образовано по фамилии лица);

Машкин луг – небольшой лужок в районе улицы Наташи Зайцевой, на котором паслась когда-то корова сторожихи Машки (жила в 60-е годы XX века в бараках, ныне снесённых). Её боялись дети и не играли там. Сейчас пасутся окрестные козы (историческую информацию содержит первое слово, выраженное прилагательным, называющим лицо, связанное с этим местом) [6].

4. Наименование по месторасположению географического объекта

Брянский пляж – центральный городской пляж, расположенный близ Брянского шоссе;

Кирилловский мост – мост через реку Остёр, связывающий город Рославль и деревню Кириллы.

5. Речевая экономия – в настоящее время стремление к языковой экономии носит повсеместный характер, эта тенденция наблюдается во всех языках мира. Языковая экономия – это внутриязыковое явление, которое способствует эволюции языка. Многие лингвисты как отечественные, так и зарубежные, считают, что это явление носит универсальный характер, оно наблюдается на всех уровнях языка [1].

Брянская – дорога в направлении Брянска (слова дорога, шоссе не используются);

Районы – объединение 12, 15, 17 и 34-го микрорайонов (цифры отсутствуют).

6. Творческое начало

Виразж – пересечение дорог 34 и 17-го микрорайонов и дороги на Белоруссию; пересечение дорог представляет собой довольно крутой поворот (метафора по сходству формы);

Клетка – танцевальная площадка в парке; она огорожена высоким забором, который напоминает клетку (метафора сходства формы);

Телевышка – 16-й микрорайон – в данном микрорайоне расположена телевышка, она и послужила жителям поводом создания неофициального названия (в названии – приём метонимии: перенос с части на целое);

Долина нищих – район за домом культуры «Россия» – в данном районе живут самые обеспеченные люди города (в названии имеет место выражение иронии);

Титаник – общежитие на ул. Карла Маркса; в 90-е годы XX века в результате сильных ливней река Остёр вышла из своих берегов и затопила данное здание. Жители же дали название по аналогии со знаменитым пароходом «Титаник», который потерпел крушение и затонул (метафорическое сравнение);

Малолетка, или Тюремный замок, – бывшая тюрьма на ул. Советской, а ныне здание диспетчерской ПАТП; тюрьма предназначалась для малолетних заключённых (в словообразовании присутствует ироничная окраска).

7. Языковая игра

Гряземойка – река Глаземойка, довольно загрязнённый приток Остра;

Балдейная – ул. Бассейная в районе депо, где живут пьющие люди.

Итак, неофициальные топонимы города Рославля чаще всего принадлежат разговорной речи или просторечию (модели с суффиксами *-к-* и *-як-*) либо же молодёжному сленгу (*чмуха*, *сах* и т. д.). Неофициальные названия городских реалий характеризуются подвижностью, образностью, относительной устойчивостью, большим разнообразием словоформ, различными вариантами их использования.

Неофициальные топонимы просты, они стихийно возникают в целях речевой экономии (*Брянская*, *Шестёрка*, *Районы* и т. д.), они понятны всем жителям города. Совокупность наименований внутригородских объектов

составляет своеобразную и весьма сложную систему.

Неофициальные городские наименования очень интересны: в этом речевом пласте отражен не только «языковой облик» современного города, но и факты истории и культуры народа (*Клопов колодец*, *Девичье горе*), творческие способности жителей (*Долина нищих*, *Титаник* и др.).

Таким образом, неофициальная топонимия – это весомый пласт языка жителей города. Неофициальные названия начинают свою жизнь, существуя параллельно с официальными, но постепенно вытесняют их. Многие жители города даже не могут вспомнить, как же на самом деле называется тот или иной городской объект.

Библиографические ссылки

1. Баско Н. В. Проявление тенденции экономии языковых средств в русском языке на рубеже веков // Научные труды КубГТУ. № 4. 2016. URL: <https://ntk.kubstu.ru/file/884> (дата обращения: 21.09.19).
2. Беляева Ю. В. Неофициальные топонимы города Рославля // Студенческая ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. Смоленск: СмолГУ, 2019. С. 12 – 18.
3. Беляева Ю. В. Неофициальные топонимы города Рославля: URL: <http://www.familii.ru/onomastika/toponimica/6410-belyaeva-yuliya-vyacheslavovna-neofitsialnye-toponimy-goroda-roslavlya-54-ya-nauchnaya-studencheskaya-konferentsiya-po-toponimike-2019> (дата обращения: 11.08.19).
4. Бореико Т. С., Шпак Е. А. Неофициальная топонимия современного города (на примере Омска) // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/neofitsialnaya-toponimika-sovremennogo-goroda-na-primere-omska> (дата обращения: 21.09.19).
5. Бутеев Д. В., Никифорова В. В., Сергеев В. Ю. Под покровом имён. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. Смоленск: Маджента, 2012. 164 с.

6. Королёва И. А. Микротопонимы и неофициальные региональные топонимы (к постановке вопроса) // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4 (36). С. 94 – 103.
7. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. М.: Просвещение, 1977. 225 с.
8. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М. : Мысль, 1974. 382 с.
9. Смоленская область. Энциклопедия. Т. 2. Смоленск : СГПУ, 2003. 624 с.
10. Современный русский язык. В 2 ч. Ч. 1. / под ред. Д. Э. Розенталя. Изд. 2-е, испр. М.: Высш. шк., 1976. 352 с.
11. Суперанская А. В. Что такое топонимика. М. : Наука, 1984. 178 с.

I. A. Koroleva, Y. V. Belyaeva

**THE LANGUAGE OF A MODERN CITY: THE QUESTION ABOUT THE
FORMATION OF INFORMAL TOPONYMS (ON THE MATERIAL OF THE
ROSLAVL CITY TOPONONYMY OF THE SMOLENSK REGION)**

The article deals with the ways of creating unofficial toponyms of Roslavl city in the Smolensk Region based on the material of the intercity objects names. The material was collected by questionnaire of the city residents and reflects the features of live informal speech. The selection of a group of toponymic vocabulary is analyzed in terms of its formation methods activity and frequency of names. The place of unofficial toponymy in the structure of the modern city language is shown.

Keywords: city language, toponymy, unofficial toponyms, method of education, Roslavl city of the Smolensk Region.

УДК 821.161.1

А. В. Марков

**ПЕРЕВОДЫ МАРИИ ВИЗИ ИЗ АЛЕКСАНДРА БЛОКА:
САМОСОЗДАНИЕ КОНТЕКСТОВ**

Переводы Александра Блока на английский язык, осуществленные в 1920-е годы русско-американской поэтессой Марией Визи, отличаются точностью и глубоким пониманием поэтики символизма и идиоматики Блока. Тем не менее переводы вписывают мистическую лирику Блока в далекие от нее контексты готической прозы, связь поэтики Блока с литургическими мотивами не передается при всей точности перевода. С опорой на теорию «скопоса» (цели перевода) Г. Вермеера мы доказываем, что эта неточность обязана не только различию ли-

тературных традиций, необходимости вписать перевод в другую традицию, но и тому, что требование буквальной точности перевода противоречит некоторым чертам поэтики Блока. Кропотливое сравнение оригиналов и переводов позволяет уточнить, как возможен лирический перевод, передающий не только развертывание сюжета, но и господствующую эмоцию и специфическое понимание символа, созданное Блоком.

Ключевые слова: Блок, Визи, теория перевода, литургический символизм, символизм, многоязычие, традиции, лирическое переживание.

Мария Визи (1904 – 1994) – русский поэт-билингв – одна из лучших переводчиков Блока. Эти переводы, выполненные в конце 1920-х годов, тесно связаны с уходящей культурой русского символизма, которую пытались продолжать и воспроизводить в эмигрантских кругах. Но Визи была сама как поэт склонна к акмеизму, переводила Гумилева и Ахматову [1, 4], и если говорить совсем просто, она сохраняла почти физическое ощущение топки символизма, пространственное переживание блоковских интуиций именно потому, что прошла через искусственности акмеизма. Разумеется, невозможно определить отношения символистского и акмеистического элементов творчества Визи, даже если мы захотим дать очень подробный анализ поэтики, потому что когда мы имеем дело с многоязычием и переводом, сами границы этих очевидных явлений меняются. То, что выглядело многозначительно «символистским», может оказаться прямолинейным высказыванием, а «вещественность» – вдруг наполниться многозначительным смыслом, происходящим из духа другого языка.

В переводах из Блока труднее всего передавать специфику лиризма, основанного на принципиальной неокончательной многозначности слова, «антиэмфазе», которую М. Л. Гаспаров удачно противопоставил прежней романтической эмфазе [2 с. 91], концентрации на каком-то одном аспекте значения. Также и собственная работа со временем Блока, создание «настоящего-вечного» путем интериоризации, ведущей от смятения к катарсису [3, с. 43]. Кроме того, если перевод рифмованный, как у Визи, рифма может влечь за собой иную ассоциацию, чем подразумевал оригинал, оказываясь местом наибольшей и осознанной вольности. Перевод Визи интересен тем, что такие вольности маркированы, в отличие от тех стихотворных переводов, где вольность может появиться где угодно, уже в силу ритма, ассоциаций или желания усилить образ. Такого усиления образов, хлесткости, привычной нам по советской школе перевода, в переводах Визи из Блока на английский мы не найдем. Далее мы цитируем переводы Визи по [5] с указанием в скобках номера стихотворения в данном издании. У Визи есть совершенные переводы, например, стихо-

творения «Свирель запела на мосту» (153). В данной статье мы опираемся на разработанное Г. Вермеером понятие «скопос» – цель перевода, учитывающая контексты, в которых будет функционировать перевод. Позиция Вермеера подразумевает, что «точно-го» перевода быть не может, может быть только перевод, удачно встраивающий текст в новые контексты, позволяющий ему работать на новом месте. Мы выясняем, как стремление к лирической точности и непосредственности смещало такой «скопос» при разворачивании лирического сюжета.

Смещения видны, когда мы читаем уже хрестоматийную «Незнакомку» (590):

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка

– переведено как:

The shining satin tight about her
of strange and ancient legend sings

Поверье у Блока – явно не легенда, не кодифицированное или сохраняемое в основной форме сказанье, а, скорее, некоторая интенция, готовность верить чему-то как заведомо древнему. Незнакомка как путь к принятию человеком своей смертности и уязвимости перед наступлением страшного мира превращается в предмет легенды, говорящей о жизни и смерти, но не внушающей сам этот ужас смерти. Тем более что одно неза-

метное смещение произошло еще раньше:

И каждый вечер, в час назначенный,
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

– переведено:

And nightly, at the hour appointed
(or do I dream that she exists?)
a woman's form, in gleaming satins,
moves in the window through the mists.

Слово *form* в английской лирике чаще всего означает «тело», нечто противоположное призрачному стану. «Незнакомка» явно приобретает характер, она движется не в «туманном окне», как некоторое отражение, а «сквозь туманы». Это создает некоторую переключку с «дыша духами и туманами» (*wafting a breath of mist and perfume*), но так как в целом перевод не выдерживает анафору «и каждый вечер...», то и эти переключки осознаются не так остро. «Незнакомка» из образа, фигуры мысли, превращается в легендарное существо со своими аллегорическими особенностями.

Слово *worth* (ценность, честь, достоинство) несколько раз употреблено в переводе на месте сложных метафор Блока. Например, в переводе «Ты не ушла. Но, может быть...» (29)

строка «В своем непостижимом строе» переведена «in your unapprehended worth» (в своей невоспринимаемой ценности). В переводе этого же стихотворения мы видим, что происходит со словами-символами:

И нет разлуки тяжелей:
Тебе, как роза, безответной,
Пою я, серый соловей,
В моей темнице многоцветной!

– переведено как

And life no sadder parting knows:
within my many-colored jail
I sing, a gray-hued nightingale,
to you — as silent as a rose.

Казалось бы, в таком виртуозном переводе всё на месте. Строго говоря, роза действительно молчаливая вещь, и идеальна для классической аллегории соловья и розы, но безответной вещь быть не может, безответность — это всегда часть ситуации, такой, как несчастная любовь. Для Блока важна ситуативность, передача в символах непостижимых ситуаций, для переводчика — скорее, определение вещи, пусть многозначное, но именно многозначное как аллегория, «молчалива как роза». В природе роза молчалива, но эта молчаливость становится аллегорией несчастной любви, отчасти мирящей с этим несчастьем.

Но Блок мириться ни с чем не хочет. Введенный субъект: «Жизнь не знает более печальной разлуки» — также требует понимать жизнь аллесси

чески, как основание для суждения, тогда как Блок говорит, скорее, о невозможности суждения после тяжелой разлуки.

Наконец, вопрос о слове «многоцветный» не так прост, как кажется на первый взгляд. Вряд ли можно понимать «многоцветный», просто раскладывая слово на морфемы. В мире Блока многоцветная темница — это не столько сложенная из многих цветов или произвольно меняющая окраску, что выглядело бы нелепо, но скорее отсутствие того самого «непостижимого строя», который только и позволяет возлюбленной сохранять свою субъектность, при том, что лирический герой сомневается в своем бытии. В переводе темница оказывается понята как плен переменчивых настроений при невозможности постичь ценность возлюбленной, оценить то, что и так слишком ценно, а не как плен сомнения, которое вызвано самой непостижимостью ситуации возлюбленной, ушедшей куда-то далеко.

Тема непостижимости ценности из-за слишком быстрого развития страшных событий — это тема готической повести: возмездие как моральный суд настигает человека быстрее, чем он мог бы посмотреть на моральную ситуацию извне. Мы исходим из того, что такое превращение блоковского экстатического понимания бытия в четко устроенные сюжеты готических повестей невольно происходит в переводе, причем вопреки желанию переводчика передать дух блоковского мира. Вопрос, который мы должны

решить, состоит только в том, имеем ли мы дело с инерцией английских словоупотреблений, невольно подразумевающих именно готическую интригу (например, из-за большей развитости в английской традиции юридической и экономической терминологии), или с какими-то более сложными процессами, которым только предстоит найти имя.

В стихотворении «Голос из хора» (30) «Теперь ты милой руку жмешь» переведено как «You press your loved one's fingers, ay». Но блоковское «руку жмешь» означает скорее «прячешь в своей руке», чем «жмешь пальцы», заигрываешь». Далее Блок говорит «шутя» явно в смысле разыгрывания, а не заигрывания. Таким образом, в переводе появляется та сюжетная интрига, которой не подразумевал оригинал: у самого Блока наблюдение над смутными психическими состояниями было важнее познания механизмов, запущенных интригой.

Далее мы наблюдаем как раз смещение к готическому повествованию. «Всё будет чернее страшный свет» переведено как «Still blacker will grow the awful light». В английском переводе семантика прилагательного несколько меняется в сторону готического рассказа, и в обратном переводе любой переводчик передал бы интересное нас словосочетание как «ужасный свет». Но в стихотворении Блока свет именно что страшный, а не ужасающий, ставящий прямо перед космосом, перед вихрем планет, а не

высвечивающий пороки, страхи или что-то иное опасное в тебе. Блок создает не сюжет возмездия как морального суда по образцу готического романа, но особое переживание того, как именно смутное психическое состояние оказывается и состоянием мира.

Таким образом, можно выдвинуть предварительную гипотезу, что даже самый точный перевод всегда акцентирует интригу, всегда вовлекает невольно в действие, даже если переводчик тщательно и точно передает не действия, а лирические образы. Таковая работа интриги происходит просто потому, что нужно обозначить границы действия, как бы разметить его, прежде чем перевести высказывание о действии. Например, Визи переводит строки:

На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

как

laughter on every mouth will die,
and life will pass away,...

Но блоковское обещание, что застынет смех, означает вовсе не то, что смех умрет или будет выглядеть как мертвый. Это ложная дилемма, перед которой нас ставит невольное в переводе противопоставление завершённого действия и завершённого описания, копия всегда сильнее стремится к завершенности, чем оригинал. У Блока говорится о прямо противоположном тому, что случилось в перево-

де: смех не умрет, но останется бес-
смертным, – и не потому, что он при-
мет мертвенный вид, но потому что
«тоска небытия» будет требовать все
новой насмешки над собой. Такая ло-
гика поддерживается во всем стихо-
творении: например, сообщение, что
камень «канет» (прекрасное созвучие),
означает вовсе не то, что он испугает
своим исчезновением, а то, что он бу-
дет напоминать о себе лишь своим от-
сутствием, а не присутствием.

Визи переводит блоковское
«весна обманет» просто как «весна
пролетит». Но Блок имеет в виду цер-
ковнославянскую семантику обмана
как вообще ложности, что могут обма-
нуть вещи, оказавшись не такими, как
ожидалось; вещи могут быть обманчи-
выми, ложными, как и люди, в сравне-
нии с правдой Божией. Это библейская
образность переживания пространства
как времени, а не литературная образ-
ность переживания времени как про-
странства. Тогда как перевод, не спо-
собный учесть эту церковнославян-
скую библейскую семантику, поневоле
вводит интригу, что само время ока-
жется недостаточным для исправления
ситуации, а значит, произойдет что-то
страшное.

То, что невольное отлучение
Блока от философии и сближение с го-
тической интригой связано именно с
невозможностью передать библейскую
семантику ответственного, но не субъ-
ективизированного действия, показы-
вают другие переводы, где существуют
в оригинале намеки на церковный ка-
лендарь, который как раз и был меха-

низмом поддержания этой семантики
ответственности вне интриги. Так, и в
переводе стихотворения «Я к людям не
выйду навстречу...» (119) сразу видна
трансформация образности Блока, свя-
занной с церковным календарем:

За словами – сквозь гул
невнятный

Просыпается светлый Дух.

Переведено как

through words, and leaving noise
behind,
the shining Spirit does appear.

Разумеется, в этих стихах гово-
рится о явлении Духа на Пятидесятни-
цу, когда сильный шум и был сначала,
до огня, важнейшим признаком такой
эпифании. Блок по сути объявляет, что
добро нельзя увидеть, что все осквер-
нено, но благо Духа можно только
услышать, воспринять в философском
духовном экстазе: «И люблю обра-
щенных в слух». В переводе скорее го-
ворится о Духе, который предстал во
всем блеске, оставив шум и смятение
позади, иначе говоря, о временной по-
следовательности, а не о свободе и со-
зерцании.

Так в переводе разворачивается
другая логика стихотворения, чем
имел в виду оригинал: нужно молча-
ливо благоговеть перед этим блеском,
а не как у Блока, молчать потому, что
этому блеску только предстоит явить-
ся, а он может не явиться, Дух свобо-
ден. Иначе говоря, в переводе появля-

ется своеобразный балладный сюжет, а именно экстатичность как результат явления воли свыше, которая тем самым вписана в действие, а не экстатичность, о которой нельзя сказать как о части сюжета и каковая только поэтому (что она не часть сюжета) оказывается лирическим, а не простым бытовым переживанием.

Ту же балладность мы находим и в переводе стихотворения «Есть демон утра...» (124). Демон приобретает вполне балладные черты, его «хитон» оказывается в переводе *saintly mantle*, превращаясь из условного признака облика в часть костюма, уже не «перламутра переливы» раннего утреннего неба, но буквально «с цветами, мерцающими как жемчужины», появляется некоторый процесс и некоторая сказочность вместо режима экстатического восприятия какого-то одного цвета. Но главное, «лик сквозит... ужасным» переведено так, что в лице «обитает ужас» (*horror*).

В логике стихотворения Блока ужас – это предательство прошлого, грех, который невозможно исправить, почему голос демона и звучит «роком забытых бурь». В переводе Визи демон, скорее, оказывается похож на Джекила-Хайда, в котором смешиваются различные начала, когда через одно готово проступить другое. И если блоковское «ночную тьмой сквозит лазурь» имеет в виду начальное неравновесие доброго и злого начал в мире, то перевод *at night black mixes with the blue* просто изображает ситуацию неизбежного соединения темного и

светлого начал в ситуации ночной одержимости, иначе говоря, момент своеобразного готического романа, а вовсе не строения мироздания и душевного переживания.

Смещения от библейско-литургического контекста к контексту развертывания простого повествовательного сюжета происходят и в переводах других ключевых стихов. Так, в переводе стихотворения «Ты – Божий день. Мои мечты...»:

Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.

Переведено как:

*In shining beauty's wrath, they go
through whirling tempests as they
fly.*

У Блока мечты как орлы: сами напуганы той красотой, которую видят, и буря чувств – неизбежное продолжение мечты. У Визи они в ярости красоты, как будто бы ярость их вдохновляет дальше лететь через бурю. Опять мы сталкиваемся с тем, что в русском языке под влиянием библейского и церковнославянского употребления гнев амбивалентен, он может означать как проявление вовне, яростное нападение, так и внутреннее переживание, кипящий внутри мучительный гнев (природа гневается и в смысле «бьют молнии» и в смысле «она изумляет своей мрачностью»), человек гневается и на кого-то и потому что просто сердит), что невозможно в ан-

глийском языке, где всегда различается активное и патетическое.

Балладность перевода превращает само время в предмет сюжетной организации, а не экстатического опыта, открывающего его как бы извне, как необходимость вдохновенного и потому не привязанного к привычной причинности, соответствующей последовательности повествовательного высказывания. Так, в переводе «Ветер принес издалека...» (138) существенно, что строка «В сумерках близкой весны» переведена как *twilight of spring that's near*, что разрушает анафору, сопоставлявшую предельную выразительность пространства (в бездонной лазури) и столь же предельную выразительность времени (в сумерках весны). Ветер, принесший издалека звучные песни, оказывается в последней строке «отзывчивым» (*resonant*), получается, что время организовано эхом, отзвуками, но не вдохновением, стремящимся преодолеть время.

Также и в переводе стихотворения об Офелии «Есть в дикой роще, у оврага...» (141) появляется время, «страдания мои» оказываются ради рифмы с *tears* (слезами) «многолетними страданиями» (*suffering of years*). Иначе говоря, страдания оказываются не жалобой, глубинным вневременным мистическим переживанием, но, напротив, тем, на что жаловаться бессмысленно, хотя их приходится переживать. Они становятся частью изображаемого повествовательного сюжета, а не внутреннего лирического сюжета, как у Блока.

То же самое переживание сюжета как рассказа вместе с отрицанием экстатической внесубъектной эмоции, невольно перевертывающее смысл сказанного Блоком, происходит и в других переводах. Так, в переводе «Усните блаженно, заморские гости, усните...» (160) пропущен глагол «бьемся», просто «мы в клетке», что может быть обязано рифме. Но образ изменился, отчаяние созерцателя, который наблюдает звезды и золотистых змей пузырьков в шампанском, любые мелочи, лишь бы они двигались, заменено отчаянием деятеля, мимо которого проходит жизнь, пока он лишен возможности действовать. Литургическая созерцательность меняется на драматическую безысходность.

Невозможность воспроизвести ответственность и субъектную неопределенность церковнославянского слова и создает балладность как объяснение чрезвычайных и непредсказуемых состояний характерностью поведения субъекта во времени, в противоположность Блоку, у которого эта непредсказуемость начинается как лирический опыт субъекта, предшествующий любому поведению, чему можно привести еще доказательства. Скажем, в переводе стихотворения «Перуджиа» (584) строка «Голубая гарь от Умбрийских гор» переведена «*azure smoke above the Umbrian hills*» – над горами. Конечно, сказать «от» одним словом, передав и место, и движение, по-английски нельзя. Но мы сразу видим, как меняется пейзаж: вместо переживания предгрозового состояния – со-

зерцание пейзажа, которое прерывается дождем. Созерцание оказывается не высшей ценностью, а достойным поведением, не отменяющим обстоятельств.

Если у Блока «вдруг» означает, что мы до конца не знаем, что нас ждет, что подчеркивает церковнославянское «ветр», то у Визи просто «краткий и внезапный ливень» (*Short and sudden shower* как перевод «минутный ливень»), иначе говоря, явление природы с определенными характеристиками, а не внутреннее переживание впечатлений от природы, каждое из которых удивительнее другого. Также в переводе «Пройдет зима – увидишь ты...» (585) появляется мотив чего-то проносящегося мимо как некоторой характерной работы со временем, без которой немислимы экстазы: вместо «Мои равнины и болота» *my fields and fens that stretch away*, вместо «В туманы всматриваясь жадно» *peer-ing through mists that swam along*. Иначе говоря, время движется в логике рассказа, в котором надо отметить, что миновало, а не в логике созерцания, где позади возносящегося созерцателя остаются не только события, но и сами условия экстаза.

Для Блока само стихотворение посвящено выходу из беспамятства – тогда как у Визи говорится скорее о том, что память удерживает себя даже при быстром мелькании событий, и значит, выход из беспамятства происходит просто благодаря тому, что даже при быстром мелькании вещи переживаются как вещи. У Блока, разумеется,

где выход из беспамятства реально совершился, там уже неважно, насколько проносилось мимо то, что грозило лишь безвыходностью ситуации. Именно эта литургическая реальность экстаза как внутреннее убеждение не может быть передана в переводе, где мелькание должно что-то значить, а не просто поддерживать особый созерцательный режим реальности как его рамка.

В переводе итальянского стихотворения «Мы шли на Лидо в час рассвета...» (586) исчез ключевой образ «раскинув руки», напоминающий о распятии, но появляется «легкий сон»: тем самым проживание евангельской истории, распятия, положения во гроб и воскресения, мотивированное в целом сохраненным выражением «страстной дрожью» (с опорой на многозначность слова «страсти»), превращается в общее тайновидение со своими законами сюжета и событийных границ. У Блока страстная дрожь – это неумолимость звука, неизбежность судьбы, тогда как у Визи *the sounds, that shook with passion* – звуки вызывают страсть в лирическом персонаже, и при этом «волны» и «звуки» оказались разделены, оказались не лирическими синонимами, а однородными членами. Скорее, можно сказать о символике крещения как призыва к новой жизни, иначе говоря, о сюжете, а не о блоковском надсюжетном образе. Есть и другие примеры такого превращения блоковского надсюжетного ритуала переживания в сюжет, который должен провоцировать переживание.

Так, в переводе «Я просыпался и всходил...» (587) «затихнувшие сени» обернулись просто «домом», а «темные ступени», метафорически, непредсказуемые, «наполненными тьмой». Блоковское священное ожидание, в котором важно, в каком ты преддверии находишься, и в пространстве и времени этого нового ритуала, превращается в структурированный готический рассказ, где работает известный механизм «дома с привидениями». У Блока была картина: Тут же картина – выйти в коридор и подняться к окошку, на улицу выходящему, в отличие от спальни окнами во двор. Сложная метафора Блока, где газ мерцает «цепями», иначе говоря, цепочкой дурных предсказаний, просто в переводе «рядами», гнетущей однообразностью. «Я был смущенный и веселый...» (588). «И обожгла твое лицо» переведено «and brings a change in all of you». Теофания, на которую Блок только намекает и не хочет идти дальше намеков, наоборот, оказывается дана через показ результата, который оказывается характерным для всей ситуации.

«Какому Богу служишь ты?..» (589) – прекрасный перевод, но при передаче строки «Передзакатные мечты» добавлено слово из предыдущей строки *of anxiousness at break of day* – смятение на исходе дня. Хотя слово *anxiousness* многозначно, означает и волнение, и стесненность, и непонятный страх, и как бы такой размытостью напоминает ключевые эпитеты Блока, но на самом деле здесь видны

ограничения такого подхода. Стихотворение изображает явление возлюбленной как богини, и у нее как у самой, сомневающейся в вере, спутников быть не может, волнения и мечты могут оказаться «родны» именно потому, что они достаточно далеки. Тогда как в варианте Визи появляется спутник наподобие спутниц Афродиты в Гимне Афродите Сапфо – и опять одинокий экстаз заменен исследованием характерности данной ситуации.

Невольная ситуативность проявляется даже там, где сам Блок был переводчиком, в переводе перевода (591) эпитафии Липпи. Перевод Блока с латыни не вполне точен, например, ни «набожных», ни «голоса Бога» в оригинале нет, а есть просто «потрясать души обнадеживающим голосом». Визи переводит очень точно именно блоковский текст, но один раз видно влияние оригинала. *looking at what I created* – «на мои заглядевшись создания». Так громоздко переведено, будто латинский синтаксис, но и в оригинале буквально «сама природа застыла как выраженная моими образами» – двойная фигура, природа застывает от изумления и природа застывает на картине. При этом слово *figura* есть и риторическое слово для образа, так что поневоле происходит обнажение приема. Как иначе передать такую риторическую сверхсложность, невольно возникающую, как мы видим, в переводном тексте, кроме как усложнить синтаксис?

Но сразу исчезает блоковское представление, что зрители заворуже-

ны еще до действия; и в переводе оказывается, что произведения берут на себя всю сюжетную тяжесть заворочить зрителей. Все невероятные смещения произошли в блистательно точном переводе, что позволяет уточнить и само понятие о развертывании лирического сюжета в произведении.

Таким образом, мы можем говорить, что невозможность воспринять сердцевину поэтики Блока даже в блистательном переводе обязана качеству слова, а не особенностям развертывания лирического сюжета. «Скопос» перевода, передача лирического сюжета оборачивается тем, что сами движущие механизмы этого сюжета оказываются за сценой. Тем самым агония, литургическое переживание, вневременное созерцание отходят на вто-

рой план в сравнении с механизмами баллады или готического повествования, которые только и могут запустить или пересобрать все мотивы, в целом переданные очень точно. Анализ переводов показал, что мотивный анализ бывает недостаточен для поэзии символизма, если не учитывает специфики созерцательных переживаний, и эта специфика становится видна при сравнительном анализе оригинала и перевода и позволяет ответить на простой вопрос: как работает созерцание у Блока? Этот вопрос трудно поставить, когда мы просто анализируем творческий путь поэта, но легче поставить, когда мы смотрим, что может, а что не может произойти с качеством слова на пути к «скопос», цели оригинала и перевода.

Библиографические ссылки

1. Арустамова А. А., Кондаков Б. В. Начало пути: стратегии поэтического самоопределения в ранней лирике О. Скопиченко, М. Визи, Е. Грот // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 90 – 97.
2. Гаспаров М. Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики) // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. Москва, 1986. С. 188 – 209.
3. Магомедова Д. М. Александр Блок. «Незнакомка»: внутренняя структура и контекст прочтения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2009. №. 16. С. 38 – 46.
4. Филимонова В. А. Ахматовские традиции в поэзии М. Визи (на материале сборника «Стихотворения II») // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. Екатеринбург, 2019. С. 12 – 18.
5. A Moongate in My Wall: Collected Poetry of Mary Custis Vezey / ed. by O. Bakich. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2005. 356 p.
6. Vermeer H. J. A skopos theory of translation: (some arguments for and against). Heidelberg: Wissenschaft, 1996. 136 p.

**MARIA VEZEY'S TRANSLATIONS FROM ALEXANDER BLOK:
SELF-CREATION OF CONTEXTS**

Translations of Alexander Blok into English, carried out in the 1920s by the Russian-American poetess Maria Vezey, are distinguished by their accuracy and deep understanding of the poetics of symbolism and the idiomata of Blok. Nevertheless, the translations fit the mystical lyrics of Blok into heterogeneous contexts of Gothic prose, the connection of Blok's poetics with liturgical motifs is not conveyed in this accurate translation. Based on H. Vermeer's theory of «skopos» (purpose of translation), we prove that this inaccuracy is due not only to the distance of literary traditions and the need to install the translation into another tradition, but also to the fact that the requirement of literal accuracy of translation contradicts certain features of Blok's poetics. A scrupulous comparison of the originals and translations allows us to clarify how a lyrical translation is possible, conveying not only the development of the plot, but also the dominant emotion and the specific understanding of the symbol developed by Blok.

Keywords: Blok, Vezey, translation theory, liturgical symbolism, symbolism, multilingualism, traditions, lyrical experience.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПОЗНАНИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПОДХОДЫ, СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ

Субъективная сторона познания неотделима от объективной стороны. Так считают на протяжении многих веков. Но в понимании их неотделимости есть недостатки, которые возможно преодолеть на основе новых достижений гносеологии. В результате субъективная сторона познания приобретает современное видение.

Ключевые слова: исследование, коммуникация, очевидность, вера, предположение, мнение, цель, базис осмысления, понимание.

Введение. Познание связано с приобретением человеком новых для него сведений. Но оно зачастую не сводится только к приобретению, ибо последнее может быть целенаправленным и нецеленаправленным. При нецеленаправленном познании человек в приобретаемых сведениях не нуждается. При целенаправленном сведения приобретаются для последующего использования в качестве информационных моделей определенных действий. В этом случае приобретение сведений должно дополняться признанием их истинности. Отсюда следует, что познание есть **овладение** человеком новыми для него сведениями – овладение, которое складывается из их приобретения и признания истинности приобретенного. Именно о таком понимании познания далее и идет речь.

Соответственно отмеченному в познании выделяются две стороны:

объективная и субъективная. Первая направлена на приобретение новых сведений. Вторая – на выявление оснований признания их истинности. Естественно, что абсолютная разделенность сторон во времени исключается, ибо от особенностей того, как сведения приобретаются, в значительной мере зависят особенности признания их истинности [5]. Стороны взаимно проникают друг в друга, что и придает познанию качественную определенность. Поэтому обе требуют к себе равного отношения.

В действительности его нет. Основная часть современной гносеологии посвящена объективной стороне познания. Субъективная сторона остается на обочине, что таит неблагоприятные следствия. Применительно к теории они касаются пробелов в отражении познания. Применительно к практике – пробелов в управлении процессами, основанными на познании.

Далее речь идет о некоторых принципиальных особенностях субъективной стороны познания – тех, которые обнаруживаются на основе его изучения как целого. Их учет позволяет не только избежать неблагоприятных следствий, но и более корректно представить познание в его неотделимости от психического состояния и преобразования. Это особенно важно для религиоведения. Причина в том, что религия основывается на вере в сверхъестественное. А такая вера всегда выступает в единстве трех моментов: познавательного, психического и преобразовательного. В итоге, овладев определенными сведениями, субъект приобретает благоприятное психическое состояние, облегчающее его действия, направленные на достижение цели.

Объективная сторона познания и предпосылки его субъективной стороны. Особенности объективной стороны познания в общем известны. Здесь речь идет только о тех, которые подводят к необходимости стороны субъективной.

Целенаправленное познание, а именно с ним связана субъективная сторона, не является самодовлеющим. Оно подчинено достижению желаемого психического состояния, а на его основе, и преобразованию. Приобретаемые в нем сведения используются для формирования информационных моделей действий, предполагающих достижение того и другого. Одной из детерминант их приобретения является убежденность субъекта, что сведения,

имеющиеся у него, для этого недостаточны и нуждаются в дополнении. Их недостаточность устанавливается через сопоставление с целью. Результатом сопоставления становится вопрос, отражающий соотношенность известного и неизвестного.

Субъекту известны: стоящая перед ним цель; имеющиеся у него сведения, которые могут быть использованы в достижении цели; их недостаточность для этого; необходимость сведений, дополняющих имеющиеся и отображающих нераскрытые пока особенности мира, которым предстоит стать объектом познания. Субъекту неизвестны: качества этих особенностей; их количество; существующая между ними взаимосвязь. В итоге формулировка вопроса касается того, что представляют собой особенности объекта, сведения о которых могут быть полностью или частично включены в информационную модель планируемых действий.

Процесс целенаправленного познания протекает на основе формулировки вопроса и предполагает нахождение ответа. Он может охватывать различные ступени: чувственную и логическую; иметь различные формы: восприятия, представления, суждения, умозаключения; протекать в различных типах: обыденном, практическом, художественном, научном. Однако сейчас наиболее существенно то, что связано с его направлениями: исследованием и коммуникацией, ибо все отмеченное концентрируется именно в них.

Исследование может быть реальным либо мысленным. Но в любом из них субъект и объект связаны непосредственно. Познавательное отношение между ними исключает посредников. Субъект в нем воздействует именно на объект, стремясь установить присущие тому и пока нераскрытые особенности, либо – на имеющийся у себя образ объекта: понятие или суждение. На научном уровне такого воздействия субъект выступает как экспериментатор – в реальном исследовании, и как теоретик – в исследовании мысленном. На всех уровнях результаты своего воздействия получает он. При реальном исследовании непосредственная фиксация результатов совершается в восприятиях, обладающих чувственной данностью. При мысленном – в суждениях, характеризующихся отвлеченностью. Хотя и те и другие формируются субъектом, а не кем-то другим, тем не менее, в первом случае у него больше оснований признать полученные сведения истинными, чем во втором.

Естественно, что их формирование может быть достаточно корректным, предполагающим соблюдение всех правил, и недостаточно корректным, где по определенным причинам соблюдаются не все правила. Основными предпосылками достаточной корректности выступают, прежде всего: достаточная компетентность субъекта в том, что на данный момент касается объекта; нормальное состояние его сознания; применительно к научному уровню – следование всем поло-

жениям методологии. Предпосылки недостаточной корректности составляет то, что имеет противоположную направленность. Речь идет о: недостаточной компетентности субъекта в том, что имеет отношение к объекту; наличии в его сознании аномалий; применительно к научному уровню – недостаточном соблюдении того, на что ориентирует методология.

На основе приобретенных образов – восприятий и умозаключений – субъект делает соответствующие выводы. Если они запечатлевают до сих пор неизвестные и интересующие его особенности объекта и составляют те дополнительные сведения, которых не доставало и которые могут составить необходимые стороны информационной модели планируемых действий, то квалифицируются как искомым ответ на вопрос [1, с. 25 – 29].

В коммуникации субъект и объект связаны опосредованно. Последний представляется первому коммуникатором, для которого тот выступает реципиентом. Результат представленности может удовлетворять субъекта полностью либо частично. Формально возможна и нулевая удовлетворенность. Фактически она исключается, ибо тогда субъект не вступал бы в коммуникацию. При первом варианте результата полученное от коммуникатора сведение квалифицируется субъектом как ответ на вопрос и включается в информационную модель дальнейших действий. При втором – в лучшем случае считается частью ответа, что вынуждает его продолжать по-

знавательные действия. В худшем – квалифицируется не имеющим к ответу отношения, что заставляет субъекта отбросить его.

Если коммуникатор является лектором, собеседником и т. д., то субъект может воздействовать на него через постановку вопросов. Но интересы коммуникатора как поставщика ответов и интересы субъекта-реципиента как их получателя могут совпадать либо расходиться. При их совпадении коммуникатор стремится передать субъекту все, что знает об объекте. При расхождении такого стремления у него нет. Поэтому он может либо обещать субъекта имеющимися у себя сведениями лишь частично, либо – обмануть его [3, с. 24 – 26].

Если коммуникатор является автором написанного текста, то воздействие, идущее к нему от субъекта-реципиента, исключается. Субъект может воздействовать лишь на текст или отдельные его части путем помещения их в определенные контексты.

Результаты действий, совершаемых субъектом, также фиксируются в умозаклчениях, формирование которых может быть достаточно либо недостаточно корректным. Предпосылки достаточной и недостаточной корректности здесь, с одной стороны, те же, что и в исследовании. Речь идет о достаточной и недостаточной компетентности субъекта в том, что относится к объекту, и о достаточно и недостаточно нормальном состоянии его сознания. С другой – у них иные до-

полняющие. Это: достаточная и недостаточная способность субъекта к получению того, что адресует ему коммуникатор; равно как достаточная и недостаточная способность воздействовать на коммуникатора. Применительно к научному уровню коммуникации это также достаточная и недостаточная способность следовать требованиям ее методики.

На основе этих результатов субъект либо формирует информационные модели планируемых действий, либо уточняет полученное. Он может и отбросить его как неподходящее для дальнейших действий. Но такая возможность маловероятна. Она свидетельствовала бы о полной некомпетентности субъекта в вопросах, касающихся объекта – некомпетентности, при которой тот не обладал бы потребностью вступать в коммуникацию.

Как бы корректно не совершались исследование и коммуникация, но информационные модели действий, основанные на полученных в них сведениях, останутся абстрактными без признания субъектом их истинности. В этом смысле и известное высказывание Маркса, что идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами, также требует конкретизации. Материальной силой вследствие своей способности направлять действия масс, они становятся только после того, как массы признают их истинность. Причем признание истинности и собственно истинность в данном случае не одно и то же. Истинными могут быть признаны и ложные сведения, равно как и ложными

могут быть признаны сведения истинные. Здесь все зависит от соответствующих предпосылок, которые касаются как сведений, так и субъекта. Таким образом, объективная сторона познания ведет к субъективной, и результаты первой не будут для субъекта достаточно полноценными без своего единства со второй [2, с. 124 – 128].

Субъективная сторона познания: традиционные подходы. Субъективная сторона познания представляет собой реальный феномен. К определенным его сторонам в разное время обращались Гераклит, Платон, Аристотель, Секст Эмпирик, Гоббс, Локк, Юм, Кондильяк, Кант, Гегель, Энгельс. В рамках достигнутого ими работают и некоторые современные специалисты.

Тем не менее совершенно явные результаты исследования субъективной стороны познания отсутствуют. Явное обычно сочетается там с неявным, хотя в творчестве различных авторов такое сочетание различно. Наиболее далеко в этом отношении продвинулся Кант, о чем ниже речь идет более подробно. Здесь же дается общая характеристика традиционных подходов к рассматриваемому феномену.

Процесс установления возможности признать приобретенное сведение истинным совершается через его соотнесение с определенными явлениями. Это, прежде всего: сведение более общего порядка, которое отображает тот же объект и истинность которого считается установленной; возможность

существования объекта приобретенного сведения; чувственная либо умопостигаемая очевидность существования того, что включает объект приобретенного сведения как составную часть, причем умопостигаемой очевидности здесь отдается предпочтение; умопостигаемая очевидность существования объекта приобретенного сведения.

Результат процесса может быть двояким. Либо основание для признания истинности приобретенного сведения отсутствует. Либо оно имеется налицо. В первом случае приобретенное сведение отбрасывается. Во втором подлежит дальнейшему анализу, который открывает возможность установить степень искомого признания.

Традиционно к таким ступеням относят: знание, понимание, очевидность, убеждение, веру, мнение. **Знание** квалифицируется как ступень, которая достаточно обоснована субъективно и достаточно же обоснована объективно. **Понимание** – как ступень, составляющая результат уяснения субъектом силы и ясности основания приобретенного сведения. **Очевидность** – как ступень, в которой исключается возможность отсутствия основания для признания истинности такого сведения, которое исключало бы данное, т. е. приобретенное и признаваемое истинным здесь и теперь. Очевидность предполагает доказанность истинности своего предмета. Если же такой доказанности не требуется, то она принимает вид самоочевидности. В этом смысле самоочевидность и очевидность чувственная на дологическом уровне тож-

дественны. **Убеждение** – как ступень, чей предмет особенно сильно воздействует на человека. **Вера** – как ступень, истинность предмета которой имеет достаточное субъективное основание и недостаточное объективное основание. **Мнение** – как ступень, у которой недостаточно субъективное основание и недостаточно же основание объективное. Причем под объективным основанием имеется в виду общезначимость предмета соответствующей ступени, а под субъективным – его значимость только для отдельного человека.

Однако при сопоставлении этих положений с тем, что сегодня известно о познании и его связях с другими видами деятельности, в них обнаруживаются пробелы. К важнейшим из них относятся следующие. При раскрытии большинства особенностей субъективной стороны познания преобладает эмпирический подход. Эти особенности, кроме того, констатируются на основе житейского опыта, а не выводятся теоретически.

Не установлено отношение между феноменами – ступенями признания истинности. А оно в каждом случае носит конкретный характер, будучи субординацией либо координацией. От ее характера зависит степень корректности последующих действий субъекта.

Не обращается внимания на связь ступеней с направлениями познания, в которых приобретены сведения, анализируемые на возможность быть признанными истинными. Однако ею накладываются отпечатки на

пределы эффективности действий субъекта – действий, имеющих своими основаниями предметы ступеней – информационных моделей, которыми эти действия ориентируются.

О признании истинности речь идет как о чем-то само собой разумеющемся. Но при этом остается невыявленным **как** в конкретных случаях признание истинности сведения соотносится с его истинностью. В частности: необходимо ли всегда стремиться к признанию истинности того, чья истинность доказана и постоянно подтверждается? Это, например, закон всемирного тяготения, закон сохранения материи, законы вращения Земли. Нет и четкой позиции по отношению к ситуациям, когда такие законы субъекту неизвестны.

Не обоснованы количество и качество действий, ведущих к признанию либо непризнанию истинности приобретенных сведений. Из содержания сделанного их достаточность не вытекает. Отсутствуют принципы установления такой достаточности.

Не обоснованы количество и качество собственно ступеней признания истинности. Из содержания сделанного достаточность того и другого опять-таки не вытекает. Отсутствуют принципы ее обнаружения.

Не установлено содержание ступеней признания истинности. Не выявлены возможности каждой из них в процессе воздействия субъекта на объект. Не раскрыта их взаимосвязь. Не определены условия перехода от одной ступени к другой.

Все это не может не снижать, с одной стороны, качество достигнутых результатов. С другой – степень корректности и эффективности управления процессом выявления возможности признания истинности. В итоге неизбежным становится отход от сложившихся традиций и искажение отражения субъективной стороны познания. Однако на сегодняшний день накоплено определенное число положений, касающихся различных моментов этого процесса, учет и использование которых может способствовать преодолению отмеченных пробелов. Как видно из их единства, к наиболее существенным положениям такого рода относятся следующие.

Знанию присущи два аспекта: информативный и относительный. В первом оно выступает как совокупность истинных сведений, адекватно отображающих объект. Во втором – как известность о существовании определенного явления. То и другое обладают своими качествами не сами по себе, а лишь в субъектно-объектном отношении. Поэтому и соотносить их можно только с теми феноменами, которые также приобретают свои качества в субъектно-объектном отношении.

Высшей степенью признания истинности является очевидность, которая исключает у субъекта какие-либо сомнения. Такая исключенность в различных случаях различна. При чувственной очевидности, вследствие известных недостатков органов чувств, она слабее и может быть поколеблена.

При логической – сильнее, ибо на логической ступени отражения человек выходит за пределы непосредственной данности и проникает в то, что органам чувств недоступно. Именно поэтому логическая очевидность часто выступает как вариант понимания приобретенного сведения.

Выражениями взаимосвязи ступеней признания истинности служат, с одной стороны, различия мер соответствия их предметов цели и базису осмысления субъекта. С другой – так называемый шахматный порядок между ними, обнаруженный Кантом.

В основе соотнесенности взаимосвязанных явлений находится отношение между единичным, общим и отдельным. Единичное отражает то, что отличает явления друг от друга. Общее – то, что их сближает. Отдельное – то, в пределах чего единичное и общее существуют и взаимодействуют.

Всякий процесс, совершаемый человеком, складывается из действий. Действие же должно соответствовать условиям, средствам, возможностям субъекта. В этом заключается его качество, в зависимости от которого оно включает количество соответствующих операций.

Истинность как противоположность ложности, относится к сведению и касается его связи с объектом. Сведение истинно, если адекватно отображает объект, что подтверждается общественной практикой и делает его частью общественного сознания. Признание сведения истинным касается

связи между ним, объектом и субъектом. Оно может относиться и к истинному, и к ложному сведению и является частью индивидуального сознания. Сведение считается признаваемым истинным на основе не словесного утверждения субъекта, а использования его в качестве информационной модели реализации цели.

Качество любой ступени признания истинности определяется мерой соответствия ее предмета цели и базису осмысления субъекта. Количество возможных ступеней признания истинности – сочетанием полноты и частичности такого соответствия. При этом цель зависит от потребности в явлении, для создания либо приобретения которого субъект нуждается в информационной модели, формируемой из приобретаемого сведения.

Содержание любой ступени признания истинности непосредственно определяется единством ее элементов и структуры. Опосредованно – мерой перспективности цели, которая может быть реализована на основе ее предмета, как информационной модели, а также мерой свободы действий, из которых такая реализация складывается. Причем, чем выше ступень признания истинности приобретенного сведения, тем к более перспективной и отдаленной цели может субъект стремиться и, соответственно, более свободно чувствовать себя в своих действиях [4, с. 480 – 481; 6, с. 189 – 193; 7, с. 37 – 40].

При опоре на единство этих положений возможны, по крайней мере,

первые шаги в преодолении отмеченных пробелов. Их результаты и составляют основу современного видения субъективной стороны познания.

Субъективная сторона познания: современное видение. Подобно объективной, субъективная сторона познания начинается с вопроса. Но формируется он иначе. Его формулировка касается того, возможно ли признать истинным сведение, из которого, полностью либо частично, будет составлена информационная модель действия, направленного на достижение цели и которое приобретено в объективной стороне познания. Естественным, что оба вопроса друг от друга неотделимы, ибо приобретенное сведение может составить информационную модель последующего действия лишь при условии признания субъектом его истинности.

Истинность сведения и признание истинности сведения имеют определенную соотнесенность. Для общества сведение истинно, если объект отображен в нем адекватно, т. е. каждая особенность последнего запечатлена в соответствующей особенности первого. С индивидом дело обстоит иначе. Он может признать истинным то, что истинно для общества только при условии, что располагает тем же знанием, каким располагает и оно. Поэтому совпадение между тем и другим возможно лишь в отдельных случаях.

Если истинность сведения, являющегося истинным для общества, признается индивидом, то это может детерминироваться, по крайней мере,

двумя обстоятельствами. Одно составляет принадлежность индивида к некоторой общности, например профессиональной, этнической, социальной и т. д. и принятие им того, что принято ею. Для него такое сведение истинно *a priori*. Но эта истинность характеризуется определенным догматизмом, ибо не имеет опытного подтверждения. Другим обстоятельством является значимость сведения именно для индивида. А она обусловлена его соответствием цели и базису осмысления последнего. Тем самым сведение приобретает способность быть информационной моделью совершаемого им действия. Но при этом не исключены парадоксальные ситуации, в которых индивид знает, что сведение для информационной модели не подходит, но все же признает его истинность. Одна из них связана с так называемой «верой вопреки всему», цель которой – поддержание субъектом необходимого себе психического состояния, что опять-таки важно для религиозного поведения.

Если истинность признается, то ее признание в каждом случае имеет конкретную ступень. А та в принципе зависит от соотношения между содержанием сведения, признаваемого истинным, с одной стороны, и единством цели и базиса осмысления субъекта, с другой. Но она также не может не различаться применительно к конкретным общностям (профессиональной, этнической, социальной) и применительно к конкретному индивиду – члену отдельной общности – преломляясь через особенности того и другого. По-

этому ступени могут деформироваться и не иметь, так сказать, чистого вида. Тем не менее в пределах конкретных количественных показателей их качественная определенность обязательна.

В зависимости от соотношения предпосылок образуются и ступени субъективной стороны познания. Первую попытку установить их в системе сделал, как известно, Кант. Ее результатом стала констатация трех упомянутых ступеней: знания, веры и мнения. Позже выяснилось, что сделанное им, на основе некоторой корректировки открывало возможность обнаружения ряда других ступеней. Но ею не воспользовались. Если же сделать это, то обнаруживается следующее.

Субъективная сторона познания имеет шестнадцать ступеней, различающихся по степени обоснованности истинности своих предметов. Каждая отражает определенный уровень познания объекта, отвечающий этому предел возможности воздействия на него и меру свободы, испытываемую субъектом. Само же воздействие может быть как положительным, изменяющим объект, так и отрицательным, выражающим удержание от изменения объекта.

Однако из шестнадцати ступеней названия даны только четырем. Это: **очевидность**, имеющая полное субъективное обоснование и полное субъективно-объективное обоснование признания истинности своего предмета; **вера**, чей предмет имеет для субъекта полное субъективное обоснование признания своей истинности и

частичное субъективно-объективное обоснование; **предмнение**, имеющее предмет, полностью обоснованный для признания истинности субъективно-объективно и частично-субъективно; **мнение**, предмет которого частично обоснован для признания истинности субъективно и частично же субъективно-объективно. Им же присущи и бóльшая или мёньшая изученность. Остальные ни тем, ни другим не отличаются. А это не может не тормозить не только раскрытия многих особенностей познания, но и формирования его методики, в том числе методики таких двуединых действий как «обучение – познание», «информационное воздействие – воспитание» и т. д.

Признание истинности на конкретной ступени складывается в результате определенного процесса. Процесс же направлен на выявление возможности такого признания. Для этого сведение соотносится с целью и базисом осмысления субъекта. Соотнесение сведения с целью предполагает установление его возможности быть информационной моделью достижения последней. Соотнесение с базисом осмысления направлено на установление непротиворечивости содержания сведения определенной системе положений, отображающих некоторую предметную область, заключенных в опыте, жизненных установках, мировоззрении субъекта и оцениваемых им в качестве несомненных.

Однако в определенных случаях и само признание истинности, и ступень, на которой оно складывается,

может зависеть от особенностей направления познания, где сведение приобретает – исследования и коммуникации. Релевантными же особенностями в данном случае являются те, которые обусловлены видами того и другого, а именно: реальность и мысленность исследования и многообразие коммуникации, в том числе ее монологичность и диалогичность, контактность и дистанционность, побудительность и констатируемость, вербальность и невербальность, а также все следующее из их единства [1, с. 22 – 23]. Поэтому в принципе желательной операцией оказывается и соотнесение приобретенного сведения с отмеченными особенностями обоих направлений и их взаимосвязью.

Наконец, всякое познание совершается субъектом в конкретном психическом состоянии. А оно может воздействовать на него с различной мерой благоприятности. Чем такая мера выше, тем, при прочих равных условиях, вероятнее признание истинности сведения на более объективной ступени. Поэтому желательно также соотнесение единства всего отмеченного с представляющейся субъекту мерой благоприятности своего психического состояния.

Правда, особенности отмеченных феноменов известны не всем. Их обычно знают профессиональные познаватели, способные совершать рефлекссию над своими действиями. А она ограничивается пределами научного познания. Познанию же обыденному это не свойственно. В итоге субъек-

тивная сторона именно последнего оказывается ослабленной.

Естественно, что первым условием признания истинности является понимание приобретенного сведения. Это предполагает установление его значения. А оно совершается через сопоставление значимого с тезаурусом языка, отражающего особенности бытия субъекта. В некотором отношении тезаурус близок к базису осмысления, хотя и уступает ему в широте и общности. Тезаурус представляет собой в основном феномен лингвистический, тогда как в базисе осмысления преобладает мировоззренческая выраженность. Тем не менее ни один из них не подлежит игнорированию. Принятие ориентиров базиса осмысления возможно только при опоре на тезаурус. Но опора на тезаурус может быть результативной для понимания при предварительном учете того, на что ориентирует базис осмысления.

Всякая сложившаяся ступень признания истинности обладает своим содержанием, которое складывается из единства элементов и структуры. Далее особенности того и другого представляются на примере веры. Причина, с одной стороны, в заданности объема статьи. С другой – в наибольшей изученности этого феномена по сравнению с другими ступенями. Кроме того, из всех ступеней признания истинности именно вера находится ближе всего к религии.

Один из элементов веры, как показал еще Кант, составляет убеждение в способности ее предмета ориентиро-

вать субъект на достижение цели. Тем самым именно оно придает ей деятельную направленность.

Другим элементом является правдоподобие ее предмета, определяемое не полным, а лишь частичным соответствием последнего базису осмысления. Вследствие этого неполной оказывается и деятельная направленность веры.

Единство убеждения и правдоподобия, как элементов веры, связано с противоречивостью явления, отраженного в ее предмете – с противоречивостью объекта веры. Ему, с точки зрения субъекта, одновременно присуще бытие и небытие. А это накладывает отпечаток на самое веру. Поскольку содержание ее предмета составляет одну из предпосылок действия, постольку признается истинным. Но поскольку оно лишено для субъекта полного соответствия базису осмысления, постольку тот имеет основание не признавать его истинность. Поэтому вера альтернативна. Принятие за истинное содержания ее предмета не исключает того, чтобы за истинное было принято содержание и другого суждения. Альтернативность веры выражает взаимное уравнивание двух отмеченных тенденций. А поскольку она также порождает два противоположных взгляда на истинность предмета веры, постольку та содержит еще один элемент – сомнение в истинности последнего.

Итак, в вере с достаточной четкостью обнаруживаются три элемента: убеждение, правдоподобие и сомне-

ние. Каждый будучи обусловлен определенной причиной, накладывает на нее соответствующий отпечаток. Вследствие их наличия вера и обладает своим качеством. Но вследствие того, что находясь внутри веры, они определенным образом деформируют друг друга, оказываются не тождественными собственно убеждению, правдоподобию и сомнению, находящимися, так сказать, в чистом виде.

Структура веры выражает связь между ее элементами. На основе единства особенностей последних она имеет следующий вид.

1. Хотя убеждение определяется соответствием предмета веры действию, направленному на достижение цели, тем не менее оно не свободно и от влияния правдоподобия. Иначе ему может угрожать превращение в ничем не обоснованную фантазию и утрата деятельной направленности. Поэтому для убеждения необходим минимум правдоподобия. Если он недостаточен, то его недостаточность покрывается за счет стремления субъекта к результатам, достигаемым на основе веры.

2. Единство убеждения и правдоподобия не исключает расхождения между ними. В частности, под воздействием доминанты стремления субъекта к достижению цели, основанному на вере, ее правдоподобие может деформироваться либо даже утратиться. Характерный пример в этом отношении представляет стихотворение – четверостишие Ф. И. Тютчева:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,

У ней особенная статья –

В Россию можно только верить»
[7, с. 227].

Вера в Россию вытекает здесь не из некоторого очевидного сведения, ибо умом Россию не понять и аршином общим не измерить, а из потребности в психическом состоянии, складывающемся на ее основе. Отказ от веры стал бы и отказом от такого психического состояния. Но он оказался бы неизбежным, попытайся субъект понять Россию умом и измерить общим аршином. Расхождение между убеждением и правдоподобием связано с тем, что субъекту нужна не столько вера, сколько возможность совершить на ее основе определенное действие, ибо цель (психическое состояние) отрывается от средства (веры).

3. Правдоподобие определяет не только убеждение, но и сомнение. Если оно более $\frac{1}{2}$, то между ним и сомнением устанавливается обратно противоположная связь. Сомнение тем меньше, чем больше правдоподобие. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на твердость убеждения. Но дело меняется, как только правдоподобие оказывается равным $\frac{1}{2}$. Тогда у субъекта появляется основание признать истинными два взаимоисключающих суждения. Результатом часто становится нарушение прямо пропорционального характера связи между правдоподобием и сомнением и падение твердости убеждения. Но в определенных случаях между этими элементами возможно и другое отношение. Так, при правдоподобии, равном $\frac{1}{2}$, но сильном стремлении субъекта к действию, основанному на вере,

сомнение может резко уменьшиться, а убеждение – столь же резко возрасти. Не исключена и потеря некоторыми элементами своей первоначальной качественной определенности. Если, например, субъекту известна зависимость между верой в определенный предмет и возможностью соответствующего действия, то при высокой степени заинтересованности в результате вера способна потерять правдоподобие и сомнение. На смену им приходят другие элементы. Но в результате исчезает и сама вера, уступая чаще всего место очевидности.

4. Каждый элемент выражает соответствующую тенденцию, единство которых детерминирует особенности существования веры. Так, убеждение лежит в основе ее распространения, а сомнение – в основе сдерживания и ограничения. Что до правдоподобия, то оно связано с обеими тенденциями, ибо может определять как убеждение, так и сомнение. Эти тенденции, взаимно уравниваясь, обеспечивают вере стабильность.

Хотя пример веры, на котором представлено содержание четырех более или менее изученных ступеней признания истинности, ограничен, он все же позволяет сделать определенные шаги к выявлению общих закономерностей, лежащих в основе очевидности, предмнения и мнения. Выявление же закономерностей частных, которое также необходимо, предполагает уровень изученности своих носителей равный уровню изученности веры. А он пока не достигнут, что не может не сказаться на современном отношении специалистов ко всей субъективной стороне познания.

Заключение. Субъективная сторона познания как реальный феномен бесспорна. Бесспорна также потребность ее исследования. Бесспорны и предпосылки, способные направлять этот процесс. Если все будет учтено, то бесспорными станут и благоприятные результаты такого учета не только для гносеологии, но и для философии в целом, а также для религиоведения.

Библиографические ссылки

1. Андриюшенко М. Т. Очерки по теории познания. Владимир : Изд-во ВлГУ. 2001. Ч. 1. 174 с.
2. Андриюшенко М. Т. Очерки по теории познания. Владимир : Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2005. Ч. 2. 157 с.
3. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. М. : РЭИ, 1994. 120 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. 591 с.
5. Катунина Н. С. Способы конституирования внутренней жизни человека. // Вестник ВлГУ (Социальные и гуманитарные науки). 2014. № 2 (2). С. 99 – 107.

6. Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М. : Высш. шк., 1968. 148 с.
7. Тютчев Ф. И. Люблю глаза твои, мой друг... Стихотворения. СПб. : Азбука, 2012. 272 с.

М. Т. Andrjuschenko

A SUBJECTIVE SIDE OF COGNITION: PREMISES, APPROACHES, A MODERN VISION

For many centuries it was believed that the subjective side of cognition is inseparable from objective one. But there are some flaws in this concept which can be overcome with the help of new achievements of gnosiology. As a result, the subjective side of cognition has acquired a modern vision.

Keywords: investigation, communication, obviousness, belief, opinion, pre-opinion, aim, basis of sensibility, understanding.

УДК 291.16

**Е. И. Аринин
С. Ш.. Абдуллаева
Н. В. Мамедова**

«ЕВРОИСЛАМ» В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье авторами рассматривается понятие «евроислам» как новая религиозно-политическая концепция современного мира, которое визуально можно разделить на несколько внутрипредметных систем: «европейский ислам», «исламский либерализм», «современный ислам» и «ислам белых», что в свою очередь порождает дальнейшее развитие новой мультикультурной и межконфессиональной идеологии поддержания межнациональной безопасности мира в целом, через модернизацию определенных религиозных норм посредством его толерантного понимания. Также авторы статьи отметили основные идеи Тарика Рамадана и Бассама Тибби как создателей новой европейской концепции «исламской интеграции».

Ключевые слова: ислам, европейская культура, интеграция, термин, «евроислам», «европейский ислам», «исламский либерализм», идеология, «современный ислам», «ислам белых».

Исследование выполнено в рамках работ по гранту РФФИ
(проект № 18-311-00269/19).

В соответствии с современной европейской политико-миграционной картиной мира в СМИ Европы и во многих научных работах западных ученых стал активно обсуждаться новый термин «евроислам» или, «европейский ислам», в результате многочисленного прироста мусульманских сообществ в страны Европейского Союза, а также их дальнейшей политической мобилизации и активности. Авторами современной «интеграционной концепции» «евроислама», или «европейского ислама», являются известные ученые, публицисты, писатели и активные общественные деятели: Тарик Рамадан (англ., Tariq Ramadan, 1962), профессор философии колледжа в Женеве и профессор ислама в университете Фрибура (Швейцария), а также Бассам Тибби (англ., Bassam Tibi, 1944), немецкий политолог сирийского происхождения, профессор международных отношений. «Идеи «европейского ислама» Тарика Р. по-разному воспринимаются как европейскими, так и восточными исследователями, тем самым порождают много споров. Одни находят в его взглядах идеи исламского фундаментализма, другие считают его либералом и модернистом, проповедующим европейские культурные идеалы и ценности. Интерес исследователей к этому направлению заключается в амбивалентности, т. е. двойственности самого феномена «евроислама», и поэтому одни видят угрозу «евроислама» как «политики мультикультурализма» и «политики размывания», стирания религиозной и куль-

турной идентичности, другие же полагают, что «евроислам» – это диалогическая стратегия, представляющая неолиберальную модель коммуникации большого количества различных этносов и конфессий» [3].

Зейнаб Анатольевна Нестерова, российский лингвист, переводчик, в своем предисловии переводчика к книге Тарика Рамадана «Ислам: прошлое и настоящее» (англ., *Islam the essentials*) пишет, что «Тарик Рамадан – очень спорная личность в исламском мире. Одни не приемлют его из-за резкой критики консервативно настроенной части богословов и рядовых мусульман, другие понимают неправильно и обвиняют в том, что Рамадан пытается изменить ислам в угоду Западу. В действительности же он указывает на неизменность исламских принципов и предлагает богословам пересмотреть свой подход, а простым мусульманам изменить восприятие и поведение на основе тех же незыблемых принципов». Несколько лет назад Зейнаб Анатольевна брала у Т. Рамадана интервью для российского мусульманского журнала, и в заключение он обратился к читателям с таким напутствием: «Прекратите говорить об исламе. Ислам должен быть внутри. Когда я говорю о Европе, я говорю: “Мы европейцы”. И вы должны говорить: «Мы, российский народ, выступаем за принципы справедливости и уважения достоинства»... Ваша позиция по отношению к правительству – это должна быть позиция конструктивной критики, по отношению

к обществу – конструктивный вклад» [6, с. 17].

Б. Тиби ставил в своей работе задачу отделения ислама как религиозной системы от политического ислама – «исламизма». «Ислам очень разносторонний, он включает в себя в равной мере толерантность и нетерпимость. Как духовная религия он не является политическим образом мысли. В противоположность этому “исламизм” как разновидность религиозного фундаментализма, есть тоталитарная идеология с праворадикальными чертами» говорил, – Б. Тиби [1].

Следует отметить, что «подход Бассамы Тиби принципиально отличается от концепции Тарика Рамадана. По Т. Рамадану, термин «европейский ислам» – это идеология, а у Б. Тиби «евроислам» – это определенная система правоотношений. Будучи юристом, специалистом в области международного права, Б. Тиби подошел к проблеме интеграции мусульман в европейское сообщество с позиций правоведения. По словам профессора, «необходимо выявить общечеловеческие ценности в европейской и мусульманской культурах и согласовать их с источниками мусульманского права» [6]. Разумеется, такая интерпретация данной правовой концепции многими европейскими мусульманами воспринялась как призыв к ассимиляции, что приводит эту систему к неодобрению из страха утратить свою идентичность, поскольку «евроислам» может идеологически послужить отказом от «базовых основ мусульманского

вероисповедания» и, по сути, повлечь за собой «выход из мировой мусульманской общины (уммы)» [7].

В интернет-словаре «Академик» исламу европейского толка дается следующее определение. «Исламский либерализм», или «евроислам», – это либеральный ислам, проникнутый европейской культурой. Данное название полностью отражает происхождение этой мусульманской концепции в европейском контексте. Духовным лидером «евромусульман» считается швейцарец египетского происхождения Тарик Рамадан (1962). Он настаивает на сближении европейской культуры и ислама, поддерживает идею демократии, призывает «евромусульман» изучать язык страны проживания и активно включаться в европейское сообщество. Тарик Р. полагает, что не следует отождествлять культуру ислама исключительно только с арабской культурой. Необходимо отметить, что в России приверженцами «евроислама» являются некоторые духовные и общественно-политические деятели Татарстана. В Иране существует довольно широкая поддержка либерального ислама «религиозной демократии» среди образованной молодежи. Данную демократическую концепцию в 1980 – 1990 гг. сформулировал Абдолкарим Соруш (1945), иранский философ, бывший профессор тегеранского университета. В Дании сторонником либерального ислама является депутат Насер Хадер (1963), основавший движение «умеренные мусульмане» в ответ на скандал с карикатурами на пророка Мухаммеда [2].

Роза Маратовна Турарбекова, кандидат исторических наук Белорусского государственного университета, в своей научной статье «Феномен евроислама в политической жизни Европы и международные отношения» (2005) отмечает, что «евроислам» (alislam al-urubi) – это шариат, истолкованный применительно к условиям современной Европы. В целом можно предположить, что «евроислам» – скорее проект, который только начал свой путь. Разные трактовки, неясность постулатов, различие национального восприятия – все это может послужить дроблению понятия европейского ислама. Но самым важным становится ярко выраженный мотив исламских европейских интеллектуалов: найти форму адаптации мусульман Европы к ценностям и чувствам коренного населения «Старого света» [8, с. 76].

В настоящее время наряду с понятиями «евроислам» (англ., Euroislam), или «европейский ислам» (англ., European Islam), во многих западных странах Европы используются также термины «современный ислам» (англ., modern Islam), или «ислам белых» (англ., white Muslim), что представляет собой некий реформированный ислам. Понятие «белый ислам» относится именно к «исламской Европе» в целом, т. е. к мусульманским представителям «белой Европы». Именно «белая мусульманская Европа» является антиподом большому количеству иммигрантов из стран «третьего мира», так как есть регионы «Старого света», где живут свои, коренные, «белые» мусуль-

мане и где в их лице религия пророка Мухаммеда существует веками [5].

Джоселин Сесари (англ., Jocelyne Cesari), профессор религии и политики, директор исследовательского центра Эдварда Кэдбери в университете Бирмингема, а также президент Европейской Академии религии, говорит, что «в то время как ислам воспринимается в качестве столкновения с европейскими светскими ценностями, ислам – это просто религия. Она считает, что ислам должен быть интегрирован в европейскую культуру и что исламская культура должна быть добавлена в образовательные программы Европы» [4].

Необходимо подчеркнуть, что современный мир находится в бесконечной меняющейся взаимосвязи, следовательно, в данных условиях мировая безопасность требует признания и одобрения существующего разнообразия культур и религий, что в итоге влечет за собой поиск общих ценностей на основе принципов базовых норм нравственности и формирует далее совместный принцип толерантности. Тем самым «евроисламский» диалог в контексте диалога различных культур заключается в сохранении религиозной идентичности и культурного суверенитета. Данная «евроисламская» концепция открывает перспективу «толерантно-конструктивной беседы» между специалистами в этой области о некой интеграционной взаимосвязи исламских и западноевропейских ценностей и раскрывает мусульманскую ценностную парадигму в ее зна-

чении для интеграционных процессов Востока и Запада. Далее «выявляет социально-экономические принципы возникновения современного концепта «языка вражды» между различными слоями социума, формируя культурное поле для последующего «языка согласия и мира», что способствует инсталляции информационной безопасности как альтернативы современным информационным агрессивным технологиям, использующимся религиозно-экстремистскими организациями» [3]. «Евроислам» – это не просто «либеральный ислам европей-

ского толка» – это кардинальная установка на нравственно-идеологический диалог, возникший посредством народной миграции и последующей разнорелигиозной и национальной интеграции настоящего мира. Такая «здоровая» «евроисламская» стратегия способна «привить» культурный иммунитет к проявлениям разного рода экстремизма, к различным формам «фобий», в основе которой возможно наблюдается противостояние антиисламской теме, «исламофобийным» вызовам и религиозному экстремизму [3].

Библиографические ссылки

1. Tibi B. Die islamische Herausforderung. Religion und Politik im Europa des 21. Jahrhunderts. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007. 182. S. 26 – 34.
2. Академик. Словари и энциклопедии на академике. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/912444> (дата обращения: 29.11.2019).
3. Евроислам как диалогическая стратегия современности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.kz/doc/ru/552.pdf> (дата обращения: 02.12.2019).
4. Европейский ислам – European islam. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.kz/doc/ru/552.pdf> (дата обращения: 02.12.2019).
5. ГолосИслама.ru. Белая исламская Европа: история и перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://golosislama.com/news.php?id=34556> (дата обращения: 04.12.2019).
6. Рамадан Т. Ислам: прошлое и настоящее / пер. с англ. З. Нестеровой. М. : Азбука-Аттикус : КоЛибри, 2018. 288 с.
7. Садыхова А. А. Евроислам: две концепции и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evroislam-dve-kontseptsii-i-perspektivy-1/viewer> (дата обращения: 02.12.2019).
8. Турарбекова Р. М. Феномен евроислама в политической жизни Европы и международные отношения. Беларусь в современном мире: материалы IV Респ. науч. конф., 28 сентября 2005 г. / редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. Минск: РИВШ, 2005. 336 с.

**E. I. Arinin
S. Sh. Abdullaeva
N. V. Mamedova**

**«EUROISLAM» IN THE TERMINOLOGICAL CONTEXT
OF THE MODERN INFORMATION SOCIETY**

The authors examine in the article the term of «Euroislam» as a new religious and political concept of the modern world. We can divided this term into several systems: «European Islam», «Islamic liberalism», «modern Islam» and «white Islam», which in turn gives the further development of new multicultural and interfaith ideology of maintaining international security of the world, through the modernization of certain religious norms due to its tolerant understanding. The authors also noted the main ideas of Tariq Ramadan and Bassam Tibi as the creators of the new European concept of «Islamic integration». The study was performed out within the framework of RFFI grant (project № 18-311-00269/19).

Keywords: Islam, European culture, integration, term, «Euroislam», «European Islam», «Islamic liberalism», ideology, «modern Islam», «white Islam».

УДК 101.1

М. М. Мчедлова

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ И СОЛИДАРНЫЙ
ОБРАЗ БУДУЩЕГО**

Солидарный образ будущего и выбор желаемого пути развития представляют параметры социальной консолидации в такой поликонфессиональной стране, как Россия. Смыслополагающие основания проявляются в выборе предпочтительного пути развития и образа будущего. Выбор между традицией и современностью воспроизводит глубинный цивилизационный метафактор, а желаемые параметры будущего России как государства определяются социальными, политическими и культурными смыслами справедливости и «великодержавности», которых недостает в современных условиях, причем их единство фиксирует отсутствие демаркационных линий по религиозно-мировоззренческому основанию.

Ключевые слова: религия, поликонфессиональность, единство, российская цивилизация, образ будущего, справедливость, государство.

Политические и культурные смыслы обеспечения социальной стабильности во многом центрируются на обеспечении ценностной целостности, которая во многом определяет параметры национальной безопасности¹. Социально-политические трансформации в России неизбежно включают в себя параметры национального проекта, среди которых немаловажным представляется возрождение «национального духа», что неслучайно определяется гражданами России как потребность социально-политического развития (в этом уверены 50 % россиян), преломляясь в уверенности 75 % россиян, что «Россия – это особая ци-

вилизация»². Это отражает наличие и приверженность к специфической системе ценностей, устойчивость которых определяет цивилизационный статус и облик России, включая поликонфессиональность как исторический опыт сосуществования и взаимопроникновения различных культурно-религиозных традиций и приверженность к собственной концепции социального бытия. Это свидетельствует о том, что исходным пунктом социальной консолидации в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, выступают осознание единства культурного поля, выявление общих ценностных регуляторов, что проявляется в выборе предпочтительного пути развития и образа будущего.

Как свидетельствует история, в основе рождения и последующего становления любой значительной культурно-цивилизационной общности всегда можно видеть своеобразную «сакральную вертикаль», находящую свое воплощение в той или иной религиозно-идеологической системе, определяю-

¹ В Стратегии национальной безопасности перечислены стратегические национальные интересы: «Национальными интересами на долгосрочную перспективу являются: укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны; сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей; повышение конкурентоспособности национальной экономики; закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира» [1].

² Использованы данные общероссийского репрезентативного исследования (2014 – 2018) ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (N = 4000). По религиозно-мировоззренческому основанию были выделены четыре группы, идентифицирующие себя: последователями православия (68 – 69 %), последователями ислама (5 – 6 %), верящими в Высшую силу, но никакой конфессии не принадлежащие (6 – 7 %), атеисты (9 – 11 %). Подробнее о выборке см. [2].

щей ее духовно-культурный облик. Современные дискуссии о цивилизационных параметрах исторического процесса, « дебаты об идентичности» неизменно ставят в центр внимания религиозный фактор. Российская цивилизационная устойчивость может быть проинтерпретирована как сосуществование различных этно- конфессиональных традиций/идентичностей, преломляющихся в чувстве сопричастности судьбам России. Не случайно приверженность к традиционным конфессиям повышает ориентированность на позитивный образ Родины, а общее ценностное пространство выступает культурной основой национальной безопасности.

В российском цивилизационном контексте эффективность и конкурентность своего пути развития может быть рассмотрена сквозь призму параметров воспроизводства долговременных установок, определяющих ценностный каркас, и в направления трансформаций. Определяющий характер имеют базовые культурно-цивилизационные характеристики¹, связанные с выбором наиболее предпочтительных путей развития России, ее образом в глазах современников, общей оценкой ее достижений в настоящем и будущем, в связи с чем перед

респондентами были поставлены соответствующие вопросы.

Как видно из табл. 1, при выборе из альтернативных суждений, связанных с предпочтением традиции или современности как вектора развития, ответы респондентов распределились практически поровну с небольшим превышением процента тех, кто выступает за необходимость возвращения к национальным традициям и традиционным моральным нормам. Аналогичная ситуация наблюдается в группах православных и мусульман, причем уровень поддержки возвращения к традиционным нормам и ценностям наиболее высок среди православных. В двух же других религиозно-мировоззренческих группах процентное соотношение поддержки суждений первой пары иное: здесь наибольший показатель имеет суждение о необходимости движения вперед к современной экономике и образу жизни, причем наибольший процентный разрыв между двумя суждениями данной пары наблюдается в группе атеистов.

Такое же соотношение можно наблюдать и по поводу отношения респондентов к суждениям о характере российского общества в параметрах определения цивилизационной специфики, где мнения также распределились почти поровну. При этом православная группа здесь четко разделилась пополам – 50 % составляют сторонники евразийского характера российской цивилизации и ровно столько же – приверженцы европейского выбора России. В мусульманской же

¹ Данным проблемам были посвящены XVII Международные Панаринские чтения «Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития», прошедшие 6 – 7 ноября 2019 года в МГУ им. М. В. Ломоносова. См. также [3]

группе доминируют приверженцы евразийства, причем их процентный разрыв со сторонниками альтернативного суждения довольно значителен. При этом среди внеконфессионально-религиозных лиц и атеистов наблюдается хотя и небольшое, но отчетливое преобладание сторонников европейского пути развития страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что историческая расколотость российской цивилизации, ее уникальный характер воспроизводится в образе массового сознания как дилемма. В российской гуманитарной традиции это выражается в споре западников и славянофилов, в российской политиче-

ской традиции – в алгоритмах реформы/контрреформ и спора о субъектах, целях и стратегиях модернизационных преобразований [4, с. 80 – 111]. Конкретизация в данном исследовании состоит в том, что при общем небольшом разрыве оценок в обеих парах альтернативных суждений у сторонников институционализированных российских конфессий все же заметен перевес в сторону приверженности традиционным ценностям и евразийского характера российской цивилизации. При этом традиционалисты в наибольшей мере лидируют в православной группе, а евразийцы – в мусульманской.

Таблица 1

Выбор представителей религиозно-мировоззренческих групп из пары суждения о направлениях развития России, 2018, %

Пары суждений	Все	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
1. Необходимо возвращение к традициям, моральным ценностям, проверенным временем	54	59	54	44	39
<i>Необходимо движение вперед, к современной экономике и образу жизни без оглядки на традиции прошлого</i>	46	41	46	56	61
2. Россия не является в полной мере европейской страной. Это особая евразийская цивилизация, и в будущем центр ее политики будет смещаться на Восток	52	50	61	55	52
<i>Россия – часть Европы. В 20 веке она оказала огромное влияние на судьбы европейских государств и народов, и в 21 веке она будет теснее всего связана именно с этим регионом мира</i>	48	50	39	45	48

Проблема культурно-цивилизационных характеристик страны, связанная с выбором пути ее развития, ставит вопрос о действительном и желаемом образе России как в настоящее время, так и в будущем, в оценке и восприятии представителей различных религиозно-мировоззренческих групп. Накладывает ли отпечаток на видение будущего общность исторической судьбы, ведь «тот, кто говорит о родине, подразумевает духовное единство своего народа» [5, с. 191]. Основным наполнением желаемого будущего является **социальная справедливость**, набирающая у православных и мусульман свыше 50 % поддержки, а во внеконфессиональной и атеистической группах – свыше 60 %. Все остальные идеи и лозунги уже не так явно обрисовывают параметры желаемого будущего. Так, на **второе** место все опрошенные поставили лозунг **демократии и прав человека**, который наибольшее значение имеет для респондентов атеистической группы. **Третье** место респонденты **трех из четырех** групп отвели **становлению России как великой державы**, причем в отличие от них **мусульмане** здесь отдали предпочтение лозунгу **наведения порядка** сильной властью. **Идея возвращения к национальным традициям** в сравнении с идеями и лозунгами не представляется доминирующей: лозунг «Россия для русских» занимает последнее место практически во всех группах, что еще раз подтверждает гетерогенность российского социального основания как атрибутив-

ной черты мироустройства. Таким образом, можно видеть, что доминирующие позиции в приведенном перечне, выражающие представления о желаемом будущем страны, принадлежат **идеям и лозунгам социального и политического характера**, связанным с утверждением социальной справедливости, демократии и прав человека, восстановлением статуса великой державы, наведением порядка сильной властью, в сравнении с которыми возвращение к национальным традициям и ценностям занимает более периферийное положение, а националистические и проевропейские идеи еще больше отдалены от общего смыслового ядра. При классификации идей, отражающих образ желаемого будущего, можно констатировать, что мечта о жизни в справедливом и разумном обществе тесно связана с мечтой об обеспечении прав человека, демократии и свободе самовыражения с одной стороны, с другой – с идеей «великодержавности», а также сильной жёсткой власти, способной обеспечить порядок в стране. Эта классификация демонстрирует связку «власть – справедливость», существующую в сознании россиян: те, кто хотел бы жить в справедливом обществе, видят основным актором обеспечения и гарантии этой справедливости именно государство.

Особое значение имеет соотношение желаемого и сущего в массовом сознании российского общества. Как можно видеть из табл. 2, в шкале реальных образов нынешней России как в целом, так и в трех из четырех рели-

гиозно-мировоззренческих групп на первое место выходит восприятие страны как энергетической и сырьевой «сверхдержавы» – ресурсной базы экономического развития других стран. Второе место прочно занимает образ России как страны уникальной природы и истории. Третье место респонденты всех групп отводят образу России как страны высокой культуры, далее по убывающей: как ведущей научной державы, как ведущей промышленной державы, как страны передовой образовательной системы. Мусульмане, как уже отмечалось, на четвертое место ставят высококультурный образ страны, на пятое – образ научной державы, на шестой – также образ страны передового образования. Таким образом, можно видеть, что образ страны как носительницы высокой культуры, признанной во всем мире, в общей образной шкале восприятия нынешней России практически во всех религиозно-мировоззренческих группах, несмотря на незначительные различия, занимает третье место, уступая образам энергетической и сырьевой «сверхдержавы» и уникальности российской природы и истории. Примечательно при этом, что образы страны, связанные с российскими достижениями в области науки и образования занимают практически периферийное значение. Таким образом, можно констатировать, что социальные и политические смыслы, связанные с «развитостью общества» в конституированные образы современной России, отходят на второй план, уступая ресурсной и витальной идентичности. К

сожалению, трансформация образа России в логике от «моя страна» к «моя земля» фиксирует понижение значимости социальности.

Что же касается образа России, которой она может стать в будущем, то здесь предпочтения респондентов разных религиозно-мировоззренческих групп распределились уже несколько по-иному. В православной группе на первое место в образном ряду выходит образ России как ведущей промышленной державы, на второе – ведущей научной державы и передовой системы образования (равный процент поддержки), на третье – страны высокой культуры. Далее следуют – образ страны уникальной природы и страны – ресурсной сверхдержавы. Среди мусульман первое место занимает образ страны передового образования, второе – ведущей промышленной державы, третье – ведущей научной державы. Последующие три места занимают соответственно образы страны высокой культуры, уникальной природы и истории, энергетической и сырьевой «сверхдержавы». Во внеконфессиональной группе первое место респонденты отводят образу ведущей научной державы, второе – ведущей промышленной державы, третье – страны передового образования, за которыми следуют образы страны высокой культуры, уникальной природы и истории, энергетической и сырьевой «сверхдержавы». Среди атеистов на первом месте – образ ведущей промышленной державы, на втором – страны высокой культуры, на третьем – научной дер-

жавы. Далее в указанном ряду – страна природы и истории, энергетической и передового образования, уникальной сырьевой «сверхдержавы».

Таблица 2

**Какой образ будущей России в мире представляется наиболее реальным представителям религиозно-мировоззренческих групп, 2018, %
(Ответ: Она уже сегодня является таковой)**

Суждения	Все	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
1. Россия – ведущая промышленная держава, успешно конкурирующая с другими странами мира	22	23	41	17	13
2. Россия – энергетическая и сырьевая «сверхдержавка», осуществляющая поставки ресурсов в другие страны	61	61	63	58	60
3. Россия – ведущая научная держава, ее ученые осуществляют открытия и изобретения, пользующиеся спросом во всем мире	24	25	29	21	15
4. Россия – страна передового образования, в нее едет учиться молодежь со всех концов мира	18	20	20	17	13
5. Россия – страна высокой культуры, произведения ее писателей, музыкантов, художников вызывают интерес во всем мире	39	41	40	34	29
6. Россия – страна уникальной природы, истории, в нее едут туристы из всех стран мира	54	54	52	59	48

Таким образом, как в проекции желаемого образа России в будущем происходит инверсия смыслозначимых черт, так и в желаемой проекции приоритетными становятся именно те параметры, которые связаны с развитием промышленности, образования, науки, т. е. способные обеспечить конкретное развития страны, а также повысить уровень благосостояния и социального развития. Неслучайно преодоление сырьевого характера ее экономики и превращение страны в ведущую промышленную державу становится центральной точкой образа, неразрывно связанного с развиты-

ми образованием и наукой, как следствие – культурой.

Это же подтверждают и ответы респондентов на уже более конкретный вопрос, касающийся путей превращения России в ведущую мировую державу. Наполнение понимания «великая держава» не сводится только к сильным вооруженным силам и позиционированию себя на мировой арене в качестве субъекта целеполагания в международных отношениях, это также и современная экономика и повышение благосостояния народа. Причем последние два условия везде являются абсолютными лидерами, набирая свыше 60 % поддержки. За ними с заметным отрывом следует наличие мощных вооруженных сил, набирающее в православной и внеконфессиональной группах свыше 40 % поддержки, а у мусульман и атеистов – более 30 %. Вместе с тем ряд других условий государственного величия, причем как внутривнутриполитического (демократические нормы и права человека), так и особенно внешнего характера (превращение страны в мировой центр силы) практически не значимы для обеспечения «великодержавности». В связи с этим можно констатировать, что фактор величия страны, связанный с возрождением высокой культуры, также представляется весомым, что особенно проявляется среди православных [6].

При определении культурно-цивилизационного вектора развития России общая совокупность респондентов как в целом, так и по отдельно-

сти имеет одинаковый процентный показатель, тогда как во внеконфессиональной и особенно атеистической группах он заметно ниже.

Проблема «зеркала будущего» выступает особой гранью исследования национального самосознания и солидарных оснований. Её можно рассматривать по двум проекциям. Во-первых, это образ желаемого будущего, позволяющий определить степень ценностной консолидации в настоящем, включающий в себя смысловые ориентиры и коллективные представления об общности и её перспективах. Во-вторых, это необходимая проекция идентичностного измерения, поскольку в основе объединения людей вокруг политических целей всегда лежит представление об общем благе, справедливости, соотносении коллективного прошлого, настоящего и будущего с определённой системой ценностей, которые и служат основой единства. Образ желаемого будущего как совокупность идеалов, смыслов и целей существования во многом зависит как от оценки прошлого и структуры исторической памяти, так и от ценностного контекста настоящего. Современность расставляет новые экономические, социальные и политические акценты, но солидарное видение желаемых путей развития и контуров будущего последователей различных религиозно-мировоззренческих традиций остается залогом общественной стабильности в пространстве российской цивилизации.

Библиографические ссылки

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 // Российская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> Яз. Рус. (дата обращения: 21.11.19).
2. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / М. К. Горшков [и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2017.
3. Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма : коллектив. моногр. по материалам XVI Междунар. Панаринских чтений / отв. ред. В. Н. Расторгуев ; науч. ред. А. В. Никандров ; Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва (Институт Наследия) ; Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, Филос. фак. М. : Институт Наследия, 2019.
4. Мchedlova M. M. Модернизация: политическая реинтерпретация концептуальных оснований и российский цивилизационный контекст .// Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 12 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2013. С. 80 – 111.
5. Ильин И. А. О национализме // Пути России. М. : Вагриус, 2007.
6. Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды» // Официальный портал Института социологии РАН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.isras.ru/rezyume_ros_obschestvo_osen_2018 Яз.рус (дата обращения: 04.10.19)

M. M. Mchedlova

**POLY-CONFESSIONAL RUSSIA AND SOLIDARY IMAGE
OF THE FUTURE**

The solidary image of the future and the choice of a desired development path constitute the parameters of social consolidation in a multi-confessional country like Russia. Meaningful foundations are manifested in the choice of a preferred development path and the image of the future. The choice between the tradition and modernity reproduces a deep civilizational metafactor, while the desired parameters of the future for Russia as a state are determined by social, political and cultural senses of justice and “great-power-ness” that are lacking in modern conditions, whereas their unity captures the absence of demarcation lines regarding the religious and worldview basis.

Keywords: religion, poly-confessional, solidarity, Russian civilization, image of the future, justice, state.

**СУБЪЕКТИВНЫЙ И ОБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ ЗЛА В РЕЛИГИИ:
ОТ ПОЛИТЕИЗМА ДО СОВРЕМЕННЫХ КВАЗИ-
И ПСЕВДОРЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ**

В данной статье мы рассмотрим объективно-субъективные метаморфозы зла в религиозном сознании и понимании индивида в рамках политеизма, монотеизма и псевдо (квази) религии (современные формы верований вне религии, но обладающие её чертами). Дефиниция и интерпретация феномена зла не отличаются статическим характером и обладают динамическими метаморфозами в ходе изменения ментальности и религиозных верований индивида, то есть по причине перехода от одной формы религии к другой. В данной работе проанализирован объективно-субъективный переход интерпретации зла, то есть внутреннего его содержания, который происходит в процессе смены ступеней религиозного сознания от политеизма к современным искусственным «богам» («идолам»).

Ключевые слова: зло, добро, табу, политеизм, субъективность, объективность, монотеизм, квази- и псевдорелигиозные системы.

Говоря о морали в политеистических религиях необходимо отметить нравственную дихотомию, которая в них присутствует. Первое противоречие заключается в том, что «божественная мораль» для каждого из богов в отдельности неодинакова. В данном случае принцип «*Quod licet Iovi (Jovi), non licet bovi*»¹ распространяется не только на людей, но и на богов. Это касается и нравственного поведения божеств в мифологии. Нарушение моральных и условно юридических (онтологических) правил одними оставалось нормой, другие несли жестокое наказание за преступления. Отметим, что в рамках политеистической рели-

гии боги часто нарушают те же законы, что они сами и инициировали как фундаментальные для всего бытия. Р. Мертон указывал, что «доминирующее правило успеха в группе способствует вытеснению институциональных способов его достижения, неэффективных, незаконными более эффективными» [12, с. 36]. Политеистические религии не единственный пример, когда «божественное» перекраивает переплетения установленных им же нерушимых законов. Например, в христианстве Бог не раз менял установленные для человека правила его экзистенции (Адам, Ной, Авраам, Моисей и т. д. вплоть до Иисуса Христа), которые представляют собой законы нерушимые и вечные (т. к. имеют божественную природу происхождения).

¹ Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку (лат.).

Однако, если в христианстве это не нарушало общий бытийный характер, так как эти изменения были как специфическое дополнение или расширение, которое по сути не нарушало общую архитектонику мироздания (подобно комментариям или дополнениям к закону в юриспруденции и праве), то в политеистических – это было грубое и насильственное изменение, которое нарушало общий баланс и вело к эсхато-апокалиптическим последствиям.

В мифологии существует множество примеров неравенства среди богов. Один из самых ярких примеров – борьба поколений богов. В скандинавской мифологии она представляет собой борьбу асов и ванов. Неизвестно, кто из них развязал эту войну, но асы первые нанесли удар¹. Они проиграли войну, и им пришлось заключить мир с ванами [17, с. 108], но если на арене космогонической борьбы по-

следние стали победителями, то в рамках религиозного поклонения и социальной значимости – проиграли, ушли на второй план как носители архаичных традиций (обретших степень анахронизма), иногда имеющих аморальный характер². В греческой мифологии также присутствует борьба богов. Титаномахия представляет собой при всей моральной аутентичности (борьба с хаосом, неистовым разрушительным началом, восстановление справедливости, которая являлась местию) борьбу за выживание, собственное экзистенциальное благополучие и власть. Таких примеров достаточно много в различных политеистических системах, где старое поколение приобретает образ чего-то негативного (иногда тождественного злу), что как рудимент, от которого необходимо избавиться, вплоть до уничтожения или забвения³.

Выше было отмечено, что специфический «божественный геноцид» является нормальным явлением в рамках политеистической религии. Тот, кто имеет власть, не играет по правилам и наказывает тех, кто идёт против него, его системы (трактуя как зло или преступление), при этом опираясь на те правила и нормы, которые сам же и

¹ Мифологические представления скандинавов предполагают, что именно ваны начали эту войну, строя козни против тех, кто занял «трон могущества», и асы не могли стерпеть такой обиды [17, с. 107 – 108]. Для древних германцев месть – это важная моральная ценность, тождественная справедливости, имеющая категорический характер реализации. Однако стоит отметить несколько особенностей. Во-первых, ваны являются богами плодородия, то есть богатств, а для асов свойственно некая жажда материального благополучия, золота, драгоценностей, наживы и т. д. (что отразилось в ментальности носителей скандинавской мифологии). Во-вторых, Е. М. Мелетинский указывал, что ваны как боги плодородия отличаются миролюбием [11, с. 47]. Поэтому концепция нравственного долга асов может быть подвержена сомнению, и в данной ситуации конфликт имеет политико-экономический характер.

² Например, кровосмесительные браки ванов, которые считались неприемлемыми у асов [11, с. 47]. Кроме того, ваны символизируют собой силы стихий, хаотичность, в том числе в нравственном аспекте, тогда как асы – социальную устроенность, в частности в аспекте дефиниции добра и зла.

³ Достаточно редко подобные события обходятся малой кровью, как например, в хеттской мифологии, где бог Тешубу получил власть без насилия в качестве исключения.

нарушает. В рамках таких религиозных систем имеет место высокая степень жестокости и беспощадности. Например, бог Гефест был сброшен с Олимпа своей матерью Герой за то, что он родился слабым и некрасивым [7, с. 51]. Этот бог, получив в дальнейшем своё место на Олимпе, также подвергался насмешкам со стороны других богов [Там же, с. 53], несмотря на то, что он возвёл для них дворцы, ковал божественное оружие, в частности самое грозное оружие – молнии Зевса. Или такой пример из древнегреческой мифологии, как рождение Афины. Зевс получил от мойр прорицание о том, что у Метис (его тётки, титаниды и одновременно его жены) родится сын, который свергнет отца, как это было с его отцом (Кроносом). Чтобы избежать такой же участи, Зевс усыпляет Метис и проглатывает дитя, прежде чем оно рождается [Там же, с. 36]. В последующем данный миф раскрывает сюжет о рождении Афины из головы Зевса. Можно также привести в пример божества Ио, Деметру, Аполлона, Эрота¹, Диониса и т. д., которые были первоначально гонимы и подвергались божественной репрессии.

Также можно привести ряд примеров из скандинавской мифологии. Например, рождённая богиня Хель была изгнана в преисподнюю. Бог Ло-

ки обвинялся в безнравственном браке с великаншей (рода Ётунов), от которого родились трое детей: богиня Хель, волк Фенрир, и змей Ёрмунганд. Хотя сам Один также вступал в отношения с великанами²: Йорд (сын Тор), Ринд (сын Вали), Грид (сын Видар), неизвестная великанша (возможно, сестра Хюмира, олицетворяющая бушующее море) (сын Тюр)³. Или ярким примером является тот факт, что Локи иногда совершал поступки, за которые его жёстко наказывали. В одной мифе указывается, что ему зашили рот в наказание за его шалости [2, с. 70]. Стоит отметить, что Локи всегда оказывался виноватым в том, на что сами согласились боги (пример с великаном-строителем). Действительно, он предлагал поступить определённым образом, но не заставлял богов поступать именно так, это их собственное волеизъявление. Отметим, что аналогичные шалости, то есть модель пове-

² Между богами и великанами существует вражда, но это не мешает иметь любовные и брачные связи, однако постоянных экзогамных браков, регулирующих обмен ценностей между великанами и богами, не могло быть [11, с. 41]. Иными словами, связи имели не казуальный характер, а лишь утилитарный (прагматический).

³ Хотя некоторые исследователи указывают, что, возможно, матерью Тора и Тюра является богиня (из рода асов) Фригг [2, с. 63, 85]. Такое положение вещей связано с рядом изменений в скандинавской мифологии. В частности, по причине эсхатологизации религии древних германцев усилилась поляризация и демаркация сил божественных (добрых) и демонизированных (ётуны, гримтурсены, муспелы, т. е. силы зла).

¹ Первоначально Зевс хотел умертвить Эрота (так как он должен был принести много зла всему миру), но благодаря тому, что Афродита спрятала его в непроходимом лесу, он вырос, а затем странствовал по миру, сея любовь и ненависть, добро и зло.

дения, в иных мифологиях народов мира оставались без наказания¹.

Бог Локи в скандинавской мифологии был обвинен в смерти бога Бальдора, согласно мифологии именно он направил руку слепого бога Хёда, метнувшую стрелу в это божество. Стоит отметить, что мотивы убийства Бальдора были скорее не у Локи, а у Одина [15]. Кроме того, Вали убивает своего брата Хёда в порыве мести. Интересно, что в данной мифе наблюдается традиционная ситуация пересечения нескольких запретов или категорических правил: исполнение (или нет) одного из них автоматически ведёт к нарушению (неисполнению) другого. Вали реализует важнейшую моральную ценность скандинавских народов – кровную месть (тождественная справедливости), но нарушает запрет, который заключается в том, что один бог не имеет права проливать кровь другого (сформулированный при заключе-

нии союза асов и ванов). Данный поступок Вали не интерпретируется как моральное зло, более того, само это божество было рождено с целью отомстить за смерть Бальдра². Локи также не наказывают, хотя именно ему вменяется вина за совершение этого преступления. Своё наказание он получает лишь после событий в «Перебранка Локи». Однако стоит отметить, что в «Перебранке» именно Локи выступает носителем традиционных ценностей и правил, установленных богами, указывая на аморальное разложение остальных божеств. Более того, стоит отметить, что Рагнарёк репрезентует не только эсхато-апокалиптические события, но и реализацию высшего нравственного долга скандинавских племён – мести как справедливости (в лице Локи, Хель, Фенрира, Ёрмунганда)³.

Отметим, что зло, в том числе моральное, в политеистических религиях не есть что-то объективное само по себе. Оно олицетворяет тех, кто имеет меньший успех, или представля-

¹ Например, в греческой мифологии Гермес не раз шутил над богами. Будучи младенцем, он украл у Аполлона его коров. В последующем он похищал скипетр у Зевса, трезубец у Посейдона, меч у Ареса, золотые стрелы и лук у Аполлона. Или, например, бог хеттской (хаттской) мифологии Телепину (Телепинус), который неожиданно ушёл от богов (перестал исполнять свои функции, впад в гнев) и украл богиню зерна и полей Каит. Боги обнаружили его спящим, но, разбудив его, они вызвали ещё более страшный гнев этого божества, который принёс ещё больше разрушений в мире. Лишь используя очистительный обряд (избавление от зла) им удалось усмирить его. Как и Локи, Телепину и Гермес относятся к архетипу трикстера, но, в отличие от первого, их поведение не имело последующих суровых санкций.

² Возможно, месть как более архаичный и традиционный закон (как метод восстановления справедливости), как некая форма морального акта в системе скандинавских ценностей стоит выше договора (социального, более молодого, заключённого между асами и ванами).

³ Несмотря на то, что силы, противостоящие асам и ванам в Рагнарёке, позиционируются как силы зла, тем не менее в рамках нравственной системы ценностей скандинавской мифологии они репрезентуют собой наказание богов за их аморализм и нравственную деградацию. То есть, это инкарнирование последствий нарушения законов бытия, которые боги сами и установили.

ет большую опасность, или имеет отношение к сфере, которая неприятна (вызывает страх) и т. д. Особая сила и власть, неподвластная иногда главам пантеона различных религий – это смерть и посмертное существование. Хель, Аид, Эрешкигаль, Персефона, Танатос, Апух, Нергал, Мара, Морриган (Бадб, Немайн, Фи, иногда Маха) и т. д. – это божества, обладающие собой, иногда разрушительной, силой, которых часто изолируют ввиду их опасности. Такое положение вещей имеет место, когда отсутствует возможность их уничтожить по причине их онтологической необходимости¹. Боги могут питать личную ненависть к некоторым другим богам. Например, большинство богов-олимпийцев недолюбливают бога Танатоса² (так как он единственный не требует дары) или Ареса³ (за воинственность).

Напрашивается вывод, что зачистую демаркация добра и зла носит

¹ Ярким примером может служить богиня Хель [16]. Или, например, жертва олимпийских богов Персефона, дабы умиловить Аида. Также, например, Гефеста сделали олимпийцем (как бы равным себе) лишь бы он освободил Геру, а также приносил пользу остальным. Таких примеров множество в различных мифологических системах народов мира.

² Н. Кун отмечает, что «...ненавистен богам и людям бог Танат...» [7, с. 153]. Смерть – это то, что не мог избежать ни человек, ни бог. Политеистические боги были смертными, и это та сфера, в которой не играет роли ни статус, ни могущество, ни хитрость и обман – каждому отведён свой срок.

³ Сам Зевс (отец Ареса) ненавидит своего сына больше остальных богов за его кровожадность [7, с. 43].

субъективный, часто внеморальный, характер в рамках взаимоотношения богов (более популярные в культуре или сознании индивидов характеризуются положительно, менее – антагонисты, т. е. что-то отрицательное, иногда злое). Например, борьба Сета и Осириса (Гора) представляет собой борьбу за трон, то есть имеет политический характер. Соперничество Ареса и Афины – борьба за внимание Зевса, а также главенство в своей сфере функционала.⁴ Однако при всём неприязненном (в плане насмешки над этим богом) отношении богов к Гефесту⁵, или озорном поведении Гермеса, или неистовом характере (вплоть до разрушительности) Телепинуса лишь единицы сурово наказывались, подобно Локи⁶, репрезентуя некое право власти и

⁴ Арес репрезентует хаотичное, неистовое, разрушительное начало феномена война, тогда как Афина – её рационализированную (экономически, политически и социально) форму, военную тактику и стратегию.

⁵ Возможно, что такое отношение было продиктовано тем фактом, что ремёсла и кузнечное дело было делом скорее низших слоёв общества, но не аристократии (в небесной сфере представлены богами-олимпийцами). Хотя, если рассматривать религиозные традиции других народов, можно обнаружить, что кузнечное дело (и ремесло в целом) имело божественный характер. Оно очень чтилось и считалось достойным делом даже для аристократов, и кроме того, даже стихотворчество было приравнено к данному роду занятия [17, с. 105 – 106].

⁶ Также можно привести пример жестокого наказания Прометея. Но поскольку он был освобождён Гераклом, то лишь благодаря ему (любимому сыну-герою) Зевс смягчил наказание для титана.

могущества более сильного над слабым, или полезного (популярного) над тем, у кого этой популярности меньше¹.

Подобные сложные в нравственном аспекте взаимоотношения были также между человеком и богом. Более того, политеизм имплицитно включает в себе проблематику божественной и человеческой морали. Дело в том, что то, что не позволялось человеку, было позволительно и являлось нравственной нормой для представителей небесной сферы. Соответственно, и зло божественное не интерпретировалось как зло, а как волеизъявление высшего существа. Оно могло принимать форму мести, восстановления справедливости, наказания или даже совершенно естественного механического акта (не имеющего морального коррелята), как, например, в рамках космогонических представлений. Мораль божественная часто вступает в противоречие (конфликт) с моралью человеческой: божественная как субъективная противостоит объективной, т. е. человеческой

(она есть продукт мифологии и культуры, традиций и правил, установленных этими же сверхъестественными силами).

Поведение политеистических богов хаотично, подвержено аффективному влиянию, капризно, эгоистично, а иногда имеет элементы садистской жестокости. Их субъективные правила, желания и капризы были возведены для людей в форму закона и традиции, то есть, инициировался процесс объективизации, которая реализовывалась в рамках модели поведения и отношения каждого индивида иногда в категорической форме для каждого отдельного индивида. Но любой аффект сменяется другим аффектом, любое желание может трансформироваться (временно или навсегда) в иное, так и боги в рамках мифологии сами отступали от того, что они сделали законами. В рамках мифологии такой отход от установленных догм для богов (иногда даже онтологического характера) не всегда карался, а вот осмелившийся на это человек – всегда получал то, что он заслужил, нарушая божественную волю. Более того, иногда в рамках мифологии такое положение вещей доходит до абсурда: необходимо нарушить объективный закон (предписание), исполняя божественную волю (субъективное, моментное, аффективное требование).

Отметим, что политеистические боги отличаются аморальностью, иногда даже смертные люди были более

¹ Отметим, что, например, Один иногда противостоит Тору [11, с. 48 – 49], однако это противостояние не демонизирует ни одну из сторон. Благодаря своей популярности (Один – у дружины и конунга, Тор – простого народа), никто из них не может ассоциироваться с чем-то негативным. Локи же, чьи функции буквально редуцированы лишь до обмана и лукавства, идеально подходил для подобной трансформации. Для любого мифологического персонажа необходим антагонист. Секуляризированный образ Локи идеально подходил на эту роль как для Одина, так и для Тора.

моральны¹. Божества не имели какого-то особого (или практически не имели) отношения к человеку. Чаще всего боги использовали людей для реализации своих целей и желаний. При этом как легко они возводили своих любимчиков до немыслимых высот, также быстро и неожиданно они от них и отказывались, обрекая на погибель, когда они становились не нужными, или выполнили то, что на них было возложено. Ярким примером служит бог скандинавской мифологии Один. Ж. Симпсон указывал, что «однако милость бога войны была ненадежной: рано или поздно он покидал своего почитателя, посылая его на смерть» [18, с. 209].

Можно привести множество примеров, когда человек наказывался богами по их собственной прихоти, ввиду их аффективных влечений, страстей и т. д. Например, Геракл, чьи приключения и странствия представляют собой конфликт Геры и Зевса (богиня мстит всевозможными способами своему мужу за неверность). Герой ирландских саг Кухулин отверг помощь и любовь богини Морриган, в результате чего она возненавидела его и достаточно долго мстила². Кухулин в итоге столк-

нулся с нерешаемой проблемой: ситуация, при которой обязательно нарушается один из гейс (табуированные запреты и правила)³, что неумолимо ведёт героя саг к смерти [19, с. 376]. Или можно привести пример из шумеро-аккадской мифологии. Так, Гильгамеш, царь Урука, отказался от любви богини Иштар (Астарта), за что она насылает кару на него и его друга Энкиду. Боги, разгневанные убийством стража кедровых лесов Хумбабы⁴ (а также ввиду оскорбления Иштар и убийства её быка), насылают кару на героев эпоса. Гильгамеш избегает этого наказания, а вот Энкиду умирает⁵. Он является символом искупительной жертвы.

Это не единственные примеры. Особенно ими изобилует древнегрече-

отношению к сильнейшему из людей [19, с. 248 – 349].

³ Кухулин оказался в ситуации, при которой он либо нарушал закон гостеприимства, но исполнял гейс запрета употребления в пищу мяса своего тёзки (собаки, пса), либо если бы отказался от первого, нарушая гейс, избежал бы второго запрета. Но в любом случае нарушение было бы неизбежным. Такое положение вещей – это рок, судьба, фатум, которого на этот раз герой не может избежать, очень часто оно связано с волей богов, а иногда и с их содействием возникновения такой ситуации.

⁴ Цель мероприятия Гильгамеша и Энкиду добыть священный кедр для ворот храма бога Энлиля в Уруке.

⁵ Несомненно, что смерть Энкиду имеет два основных аспекта. Во-первых, он был не обычным человеком, а был создан богиней Аруру из глины (первоначально для борьбы с Гильгамешом). В связи с тем, что он не выполнял свою основную задачу, боги отбирают дарованное ему, то есть жизнь. Во-вторых, для Гильгамеша Энкиду был лучшим другом и соратником, и, возможно, такая утрата близкого ему человека имела форму наказания (возможно, даже тяжелее, чем смерть).

¹ Сократ, видя аморализм богов, отрицал положение, по которому именно они являются истоком человеческой морали. Он предполагал, что скорее истоком морали является человек («естественный нравственный закон»), чем эти божественные существа. Антропологический поворот практически всегда указывает на кризис божественного, сверхъестественного и сакрального.

² Также у данного героя произошёл конфликт ещё с одним богом – Курои. За невыполнение обещанного этот бог унизил и наказал героя. Этот миф указывает на превосходящую силу божества даже по

ская мифология. По одной из версий Медуза Горгона была девушкой с красивыми волосами. Ею захотел овладеть Посейдон. Она попыталась скрыться и получить защиту в храме Афины, но богиня не только не помогла (морской бог совершил задуманное), но и превратила её в чудовище. Более того, она впоследствии помогла Персею убить Медузу. Миф о Марсии также указывает на прихоть богов. Афина прокляла созданную ей флейту и бросила в мир людей, обрекая любого, кто её обретёт, на проклятье. Миф о сыновьях Алоэя (От и Эфиальт), которые грозили богам свергнуть их с Олимпа. Аполлон не снёс этих угроз и убил обоих. Или миф о бедном Актеоне, который случайно узрел богиню Артемиду, когда она купалась. За это она превратила его в кабана, и того загрызли собственные собаки. Или, например, мифы о Ликурге и дочерях Миния, которые (не признавали Диониса богом) были наказаны за своё кощунство. Интересен миф о Сизифе, которому дважды удалось обмануть богов. Первый раз ему удалось пленить Танатоса¹ (инвариация мифа ука-

зывает на Аида). Люди перестали умирать (соответственно, как и сам царь Сизиф), и лишь Аресу² удалось вызвать бога из плена. Второй раз он обманул самого Аида. Жена не исполнила погребальный обряд (сам Сизиф ей это наказал), и под предлогом наказать жену Сизиф был на время возвращён в мир живых. Но обратно он не вернулся, и лишь через несколько лет был возвращён в царство мёртвых Гермесом³.

Можно долго приводить подобные примеры, когда боги в порыве честолюбия, гордыни, личной неприязни, гнева и иных страстей, а иногда исходя из банальной прихоти обращали свою великую силу против людей. Боги играют человеческими жизнями. Они часто покидают даже своих любимцев, когда те исполняют то, что им поручено, подобно тому как в шахматах жертвуют фигурами ради продолжения игры и с желанием победы любой ценой. А соперники по игре могут быть не только не врагами, но и лучшими друзьями.

Жестокие наказания – это не есть акт зла, это божественное прови-

¹ Геракл вступил в схватку с Танатосом и связал его. Герой предложил свободу богу в обмен на душу Аклестиды, жены его друга царя Адмета [7, с. 155]. Это одно из героических деяний, хотя за подобное посягательство на божественные порядки тот же Сизиф был наказан. Мера и успех определяют положительную или негативную оценку. Если есть успех, то изменяющий что-либо герой – реформатор и т. д., если провал – то бунтарь и преступник. Успех это то, что отличает революцию (эволюцию) от бунта. Мера также играет важную роль. Б. Паскаль

указывал, что хоть чрезмерность и не ощутима, тем не менее мы от неё страдаем [14, с. 50].

² Хотя и сам бог войны был пленён сыновьями Алоэя, и освобождён Гермесом [7, с. 29]. Гермес как бог хитрости и ловкости идеально подходит на роль «разрушителя пут» (различных острых и неудобных ситуаций).

³ Гермес в древнегреческой мифологии выступал в роли психопомпы, то есть бога сопровождающего души в царство мёртвых.

дение, хотя политеистические боги не заостряли своё внимание на вопросах морали, совершая насилие как над людьми, так и над другими богами. В действительности жестокость и насилие в различных формах не исключают сакральности данных деяний. Р. Отто указывал, что священное (сакральное, религиозное) не сводится к понятию морального [13, с. 11 – 12]. Нуминозное обладает и иными моментами: страшного, ужасного, отвратительного, грубого и т. д. Легитимность даже самых кровавых репрессий и уничтожений обеспечивается божественностью её источника и может иметь совершенно безнравственный и аморальный характер (например, с точки зрения этики). В политеистических религиях нечто обретает статус зла через призму божественной оценки того или иного действия, факта или феномена.

Итак, возвращаясь к вопросу антропоморфности богов, стоит указать, что оно вызвало несколько специфических следствий данного переосмысления религиозной картины мира. Дело в том, что вплоть до конца XIX – начала XX века этическое отношение могло быть применимо только к человеку, или богу в рамках религиозной этики. Лишь начиная с XX века, объектом нравственного отношения является не только человек. Таким образом, диапазон нравственного отношения и поведения расширяется на природу (экологическая этика), живых существ (биоэтика), технологии (техноэтика, трансгуманизм), искусственные интеллекту-

альные единицы (этика искусственного интеллекта) и т. д.

В рамках политеистических представлений (особенно в зрелый период своего существования и в результате высокого уровня социализации и цивилизации) нравственное отношение мыслилось возможным лишь одного человека к другому¹. Таким образом, формируется представление о божествах как о существах подобных, но не тождественных людям. Первая специфическая особенность антропоморфизма в том, что инициируется конфликт субъективной (божественной) и объективной (человеческой, основанной на религиозных догматах) моральных систем. Это происходит ввиду того, что мораль божественная не лишена момента нуминозного, а соответственно, любые отношения или действия не предполагают мораль как наивысшую инстанцию для легитимности акта. Вторая особенность заключается в том, что неизбежная придача богам человеческого образа привела к экстраполяции на них и нравственных качеств (как негативных, так и отрицательных моральных ценностей и добродетелей). Зло как нечто абсолютное со временем также приобрело свой облик в лице какого-либо божества, и через этот образ оно понималось, осознавалось и принималось. Иными словами,

¹ Для ранних форм религии было свойственно специфическое сакральное отношение к природе (тотемизм, анимизм и т. д.), в рамках которого протоэтическое отношение было неотъемлемой частью поклонения ей.

если в ранних формах религии зло – это нечто естественное и объективное для индивида (не имеющее лица, образа и т. д.), то в политеистических религиях через образ антропоморфных богов¹ оно становится частью духовно-психологической жизни каждого индивида с последующими последствиями и ответственностью.

Если политеизм вводит зло в индивидуальность и самость каждого индивида, то монотеизм заходит дальше, а именно, укореняя это понятие, как чисто человеческое, не связанное с Богом и с его изначальным планом онтологического устройства². Зло уже воспринимается как некий рудимент бытия и экзистенции индивида, от которого необходимо избавиться в рамках личностной и общей эсхатологии (апокалиптики). Г. В. Лейбниц отмечал, что порок это не средство, а условие, поэтому и был Богом допущен [8, с. 290], и что начало зла в свободе со-

зданий [Там же, с. 317]. И. А. Ильин указывал, что зло начинается с человека [6, с. 43]. Иными словами, зло и грех есть следствие выбора, свободы воли и действия индивида и не является чем-то совершенно и категорически неотъемлемым для бытия. Более того, зло не самостоятельный феномен, и ограничен в своей реализации. Лишь только в рамках апокалиптики оно достигает наивысшей степени своего проявления и силы. Понятие зла, в первую очередь морального, полностью становится феноменом, связанным с индивидуумом³. Оно также теряет своё метафизическое обоснование, а поэтому не имеет неотъемлемости и самости своего бытия.

Даже образ Люцифера (Дьявола, Сатаны) не является отражением абсолютного зла в общей архитектонике бытия. Н. О. Лосский указывал, что изначальная природа Люцифера – добро, что таит в себе возвращение к это-

¹ Подобно тому, как бог, так похожий на человека, имеет, репрезентует и реализует то или иное моральное качество или добродетель (правда в идеальной степени), так и человек обладает, или может обладать им. Это также касается и отрицательных моральных ценностей, которые становятся также частью каждого индивида, избавляя зло от некой онтологической абстракции.

² Исключение может служить буддизм. Согласно первому и второму положению «Четырёх Благородных Истин» («жизнь есть страдание» и «существует причина страдания – желание») страдание есть естественный принцип существования. И в целом, понятие зла в буддизме не такое точное и концентрированное как в христианстве и исламе. А иногда может и вообще отрицаться в общепринятой форме понимания данного феномена.

³ Хотя стоит отметить то, что Бог держит зло в определённых границах во всех его проявлениях. Источником зла является человек, который не допускает Его в своё сердце, не испытывает Его влияния. Тем не менее, основываясь на концепции о том, что не существует абсолютного зла [9, с. 113; 10, с. 104 – 105] (т. е. чего-то равного Богу), зло либо уничтожается, либо используется во исполнение добра. Зло рассматривается как нечто, что хоть и может по количеству иметь вселенские и бесконечные масштабы, но по внутреннему содержанию разделено на части, которые могут конфликтовать между собой, уничтожать друг друга и самих себя. Это говорит о том, что зло окончательно теряет свою объективность и становится абсолютно гетерономным (от Бога, от его носителей и т. д.).

му состоянию [9, с. 368 – 369]. Это ярко выражено в концепции апокатостасиса¹. Отметим, что образ Дьявола (имеющего антропоморфные черты) – это персонифицированный образ пороков и зла, который необходим для их субъективизации, т. е. исключение понимания зла как чего-то абсолютного и объективного, дабы перенести его в сферу человеческого действия и волеизъявления. Он олицетворяет наивысшую, хотя и абстрактную, но априори ограниченную степень и силу проявления зла. Олицетворением добра и добродетелей является Бог, но он не имеет антропоморфного характера. Это вызывает сложности: как применить понятия конечного (человека) к бесконечному и абсолютному (Богу). Такая же проблема стоит и в определении добродетелей человеческими понятиями, так как это может привести к редукции божественных качеств и Его самого. Лишь христианство создаёт образ Богочеловека (Иисуса Христа), дабы экстраполировать добродетели на человека,² как некую возможность приближения к Богу и в рамках

идеи борьбы со злом (ведь Иисус не только Бог, он ещё и человек)³.

Нарушение каких-то установленных самим же Богом правил не имеет такого негативного онтологического коррелята как в политеистических религиях. Есть несколько причин этого. Во-первых, сам Бог и есть бытие, любые процессы изменения мыслятся в рамках религиозного мышления как естественный ход событий. Во-вторых, любые изменения не подразумевают противоречия основным законам, они скорее предполагают дополнения или изменения формы бытийности. В-третьих, провиденциализм – любые изменения направлены на становление добра и блага в рамках божественного плана. В-четвёртых, момент нуминозного в концепции монотеистического Бога имеет наивысшую степень, а соответственно, может не отвечать человеческим моральным представлениям, особенно субъективной нравственности отдельного индивида, но, как правило, не противоречит абсолютной системе ценностей⁴.

В современном мире «религиозные религии» не единственные формы верований, которые влияют на феномен веры. Современные «религии» – это, по сути, не являющиеся религиями, но обладающие характерными её

¹ Григорий Нисский указывал, что зло и пороки обратятся обратно в добро и добродетели [4, с. 269; 5, с. 250].

² Несомненно, что человек не может достичь добродетели в той степени и мере, как Иисус (Бог), однако подобно тому, как Христос (как человек) боролся с искушениями, реализовывал добродетели и т. д., каждый способен идти по этому пути к недостижимому совершенству, что делает человека совершенным в становлении.

³ Ведь именно на человека как источника зла и возложена миссия борьбы со злом и исправления собственных ошибок.

⁴ Исключение, то есть ситуация, когда божественная мораль отличается от абсолютной, возможно только лишь в рамках спекулятивной манипуляции с положениями и догматами веры и религии.

чертами, влечения, аффекты, желания, фетиши, а также предметы и феномены, которые их олицетворяют (удовлетворяют и одновременно вызывают), возведённые в степень некоего сакрального феномена. Религия обладает такими элементами, как религиозное сознание, отношение, поведение и ценности, а также имеет обязательный блок вероучения, культовых действий и наличие организации. В современном мире новые религии абстрактны и не несут в себе явного религиозного характера, ведь они касаются вещей и феноменов иного ряда: вещизм, роскошь, слава, деньги и т. д. Эти «идолы» имеют свои механизмы влияния и проявления, а именно средства массовой медиа, Интернет, телевидение и т. д. Отдельные индивиды, репрезентующие того или иного «идола», лишь временные модусы, которые быстро сменяются, как только они теряют свою необходимость и актуальность.

Момент веры¹ в этих современных «религиях» не только не уступает вере религиозной, но иногда может превосходить её по определённым характеристикам (интенсивность, степень проникновения и укоренения, массовость, влияние и т. д.). Например, стоит отметить, что вера в безусловную и категорическую важность славы и известности для современного инди-

вида поражает. Огромное количество людей использует различные методы и способы (иногда разрушительного характера, ведущие к редукции и деградации как собственной экзистенции, так и бытия в целом), дабы получить благословение этого «идола». Кроме того, в подобном «религиозном» поклонении буквально прослеживается некий псевдонуминозный характер,² который больше напоминает массовую истерию или абсолютное аффективное главенство. В зависимости от «идола» формируется сознание, отношение, поведение и ценности в основном утилитарного, субъективного и эгоцентричного характера (с элементами циничного отношения к тому, что не соответствует «идолу», а иногда и достаточно агрессивного противостояния).

Вероучение в современных «религиях» – это формирование представления об «идолах» как о величайших ценностях и целях человека, превознесение их выше самого индивида и всего человечества. Культ этих «современных религий» – утилитарное и прагматическое поведение, актуализация пустого и бессодержательного

¹ Вера – религиозно-этическая категория, отражающая непосредственный и целостный акт свободного принятия человеком трансцендентного, проявляющийся в полагании им определенной системы ценностей, ориентированной на идеальное преображение жизни [20, с. 65].

² Это схоже с экстатическим (дионисийским, шаманским) состоянием, однако оно не является религиозным в аспекте сакрального. Дело в том, что, действительно, само религиозное переживание (вера, экстатическое состояние, молитва и т. д.) является неким феноменом личностным, то есть каждый испытывает их по-своему. Однако сам объект, который вызывает это чувство, не сам человек, а нечто внешнее ему. Хотя стоит отметить, что инициирует последующее действие или бездействие именно возникшее чувство.

(хайп), формирование эгоцентричной личности. Организация такой «религии» – это формирование «элитарного» класса, профессии, а иногда и «предназначения» (как некоторые это репрезентуют). Огромное количество блогеров, инстаграмщиков, светских львиц и прочего – это симптом разложения индивидуальности и личности, особенно в аспекте деятельности, а также это свидетельство формирования новых форм верования (не религиозных по сути¹), оказывающих подобный эффект по охвату и масштабу. Можно заметить, сколько человек в современном мире подвержено данному недугу, и как эти тенденции меняют мир.

Эта «современная религиозность» порождает и свою собственную форму нравственности, которая заключается в полном отсутствии нравственности. Привычка современности к туманным и эфемерным формулировкам имеет место и в сфере морали. Более того, нравственность стала тем же способом актуализации себя. Р. Барт указывал, что демонстрация нравственной силы обретает свою конечную ценность лишь постольку, поскольку получает огласку [1, с. 128]. Более того, отсутствие чётких дефиниций позволяет наполнять нравственные

понятия новым, чаще всего не свойственным им содержанием. Т. Гоббс отмечал, что часто люди свои пороки причисляют к каким-то добродетелям, а хороший поступок другого – к близко подходящему пороку [3, с. 66]. Люди часто осуждают в других то, что считают достойным похвалы в себе, а также одобряют то, что в душе презирают [Там же, с. 35]. Особенно часто такое положение вещей характерно для тех, кто подчиняется установленной системе взглядов, поведения и отношения, иными словами, опирается на чужое мнение, а не на своё собственное волеизъявление.

Как и все остальные понятия морали, зло также не имеет какой-либо постоянной относительной дефиниции. Несомненно, что понятиям добро и зло невозможно дать чёткого определения (по природе самой морали это не представляется возможным, не впад в заблуждение, ограничения и редукцию). Однако понятие зла стало настолько казуальным и эфемерным, что в этой относительности оно практически стало иллюзорным в сознании индивида. Если монотеистические системы стремились к тому, чтобы зло лишилось своей онтологической объективности и стало элементом субъективной реальности индивида, то в современном мире – наоборот. Концепция относительности всего в мире инициирует две интерпретации зла. Первая очень схожа с положением, которое существовало в ранних формах религии. Иными словами, зло есть факт совершенно объективный, он не

¹ Раньше религия давала смысл человеческому бытию, «Современные религии» забирают не только этот смысл, но и саму жизнь, самого индивида. Он растворяется в этих «идолах», теряя себя, убивая время, получая лишь видимость своей значимости. Желание быть чем-то абсолютным и значимым достигается не в реальном проявлении, а лишь в позиционировании и самообмане.

зависит от индивида. Зло становится как бы неотъемлемой частью мироздания, и с человека снимается ответственность за него. Вторая, представляющая гиперболическую форму, выходящую из принципа относительности, утверждает, что зла вообще не существует, т. к. субъективные оценки каждого из индивидов не способны дать чёткое определение и оценить тот или иной факт или феномен, а соответственно, невозможно говорить о зле, как о чём-то реальном, категоричном, существующем даже имманентно и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что представление о зле, его интерпретация как феномена субъективного и объективного, о его источнике и природе менялось в различных системах религиозных взглядов и представлений. Можно сказать, что пройдя круг от объективности зла, где оно рассматривалось как нечто совершенно естественное (как часть онтологической архитектоники), до субъективизации в рамки индивидуальной жизни человека (индивид становится источником зла и ответственным за него, оно лишается абсолютного характера и категорической необходимости и т. д.), оно снова возвращается к

объективности данного феномена, но в иной форме. В новой форме зло либо нечто совершенно относительное, что не имеет дефиниции или каких-либо границ для процесса демаркации с добром и индифферентными вещами и феноменами, либо оно вообще не существует, то есть отрицается онтологическое либо индивидуальное обоснование его наличия. Такое положение вещей говорит не о том, что проблема зла решена или не существует, а, наоборот, что она действительно существует. Подобное мышление и мнение индивида указывает на симптом бегства от данного вопроса, от самого себя и всего бытия в целом. Игнорирование проблемы не означает, что её нет, это лишь указывает на боязнь столкнуться с ней и проиграть. Игнорирование и бездействие – союзники, поддерживающие зло. Это пассивное содействие, ведь так или иначе, человек наделён свободой воли (у каждого в различной степени), и он определяет, каков мир вокруг него через поступки и отношение, т. е. будет ли он наполнен чем-то отрицательным или положительным, являясь одновременно проводником и тем, кто пресекает и то и другое.

Библиографические ссылки

1. Барт Р. Мифология / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М. : Академический проект, 2014. 351 с.
2. Гербер Хелен. Мифы Северной Европы // пер. с англ. Г. Г. Петровой. М. : Центрполиграф, 2008. 346 с.
3. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М. : АСТ, 2001. 304 с.

4. Григорий Нисский. Творения святого отца Григория Нисского : в 8 т. Т. 1. М. : Типография в Готье, Московская духовная академия, 1861. 472 с.
5. Григорий Нисский. Творения святого отца Григория Нисского : в 8 т. Т. 4. М. : Типография в Готье, Московская духовная академия, 1862. 400 с.
6. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. М. : Русская книга, 1996. 608 с.
7. Кун Н. Легенды и мифы Древней Греции. СПб. : Азбука, 2013. 512 с.
8. Лейбниц Г. В. Сочинения в 4 т. Т. 4. / ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. В. В. Соколов. М. : Мысль, 1989. 554 с.
9. Лосский Н. О. Бог и мировое зло / сост. А. П. Поляков, П. В. Поляков, А. А. Яковлев. М. : Республика, 1994. 432 с.
10. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М. : Политиздат, 1991. 368 с.
11. Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам. 1975. № 7. 38 – 51 с.
12. Мертон Р. Вызов демона антисоциального поведения // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 23 – 40.
13. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2008. 272 с.
14. Паскаль Б. Мысли. М. : Астрель, 2009. 253 с.
15. Петев Н. И. Инициатический аспект мифологии древних германцев // Научные ведомости БелГУ. № 1 (44). С. 93 – 101.
16. Петев Н. И. Образ богини Хель в скандинавской мифологии // Вестник ВлГУ. Серия «Социальные и гуманитарные науки». № 2 (18). с. 80 – 89.
17. Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. М. : АСТ, 2010. 464 с.
18. Симпсон Жаклин. Викинги. Быт, религия, культура // пер. с англ. Н. Ю. Чехонадской. М. : Центрполиграф, 2005. 239 с.
19. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М. : Астрель, 2005. 431 с.
20. Этика. Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. 671 с.

N. I. Petev

SUBJECTIVE AND OBJECTIVE ASPECT OF EVIL IN RELIGION: FROM POLYTHEISM TO THE MODERN QUASI AND PSEUDO RELIGIOUS CONCEPTS

In this article we will consider objective-subjective metamorphoses of evil in religious consciousness and understanding of the individual within a framework of polytheism, monotheism and pseudo (quasi) religion (modern forms of beliefs outside religion, but having its features). The definition and interpretation of the evil phenom-

enon are not static and have dynamic metamorphoses in the course of changing the mentality and religious beliefs of the individual, that is, because of the transition from one form of religion to another. This paper analyzes the objective-subjective transition of the interpretation of evil, that is, its internal content, which occurs in the process of changing the stages of religious consciousness from polytheism to modern artificial "gods" ("idols").

Key words: evil, good, taboo, polytheism, subjectivity, objectivity, monotheism, quasi and pseudo religious systems.

УДК 17.0

А. С. Тимощук

МОРАЛЬНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА

Автор исходит из позиции, что мы не знаем христианство до конца и потенциал его служения человечеству ещё не исчерпан. Нравственные ценности и будущее человечества – это бесконечная тема, в которой христианство приобретает значение для сохранения традиционных культурно-исторических ценностей.

Ключевые слова: культурогенетика, христология, моральная философия, религия спасения, кенозис.

В работе «Религия в пределах только разума» И. Кант освобождает религию от критики наукой, указывая на её внеположенность по отношению к разуму, вместе с тем обосновывая её необходимость в качестве моральной философии. Предвосхищая технократическую эпоху модернизма, Кант стремится представить чистую религию разума, сохранив её статус. В этом же произведении он обсуждает проблему автономии и гетерономии (самозаконности и инозаконности) [2]. Самозаконность – это свободная присяга на верность, внутренние принципы морали, а гетерономия – внешние распоряжения, общественное давление. Когда мы говорим о будущем человечества, нам нужно иметь смелость

снять противоречия между разными автономными / гетерономными толкованиями христианства и говорить о Христе как императиве теонии для будущего человечества [4].

Последние две тысячи лет мир развивается под знаком христианства. Тотальность христианства – в его универсальности. Прочитанное по-разному послание Христа стало источником не только религии, морали, мистики, но и юридического натурализма и рыночной экономики. В чём же заключается неистощимый источник христианского вдохновения?

Нарратив спасения

Христианство – это двухтысячелетняя эстафета от назореев и Иоанна к Иисусу, апостолам, Нисскому сим-

волу веры и церковным институтам. Это великий синтез двух длительно культивируемых традиций – еврейского радикального благочестия и эллинистической философии. При всей гибридности этой мировой религии, она всегда была ведома пастырями, обладавшими вселенским видением. Отцы церкви осуществили огромную ревизию текстов и оставили вселенские евангелия, оставив в стороне гностические. Развитие христианства – это отбор культурных универсалий. 27 книг нового завета – это лучшее из того, что было. Сегодня доступны апокрифы, и нельзя сказать, что они как-то могут поколебать незыблемость символа веры. Апокрифы – это тексты, создававшиеся конкурирующими группами в иудаизме и христианстве, которые стремились продвинуть свои идеи.

Статус метрополии (Александрия, Рим) и её ресурсы способствовали вытеснению апокрифической литературы на периферию. Так, захоронение гностической библиотеки в Наг-Хаммади связано предположительно с указом александрийского митрополита Афанасия в конце IV в. об уничтожении неканонических текстов. Монахи первого христианского монастыря, основанного св. Пахомием, решили сохранить библиотеку в пещере в нескольких километрах от монастыря.

Иисус Христос остаётся суперзвездой земной цивилизации. Как произошло, что он внушил религиозные и нравственные идеи такому количеству людей? Успех христианства обусловлен несколькими причинами.

1. Целевая аудитория. Апостол Павел выбрал верную стратегию распространения, ориентированную на язычников. Христианство для евреев с обрезанием, кошерными правилами и шаббатом никогда не смогло бы стать мировой религией.

2. Монотеизм. Содержание послания – тоже одна из кардинальных составляющих успеха. Единобожие помогает не только в социальной коммуникации, осуществляя прорыв к трансцендентальному единству мира, но и в политической, содействуя объединению государств.

3. Евангелизм. Иудаизму не свойственен прозелитизм, в то время как христианство активно распространяет свою веру через проповедь и обращение.

4. Фанатичный авраамический эксклюзивизм, не допускающий множества истин. Истина только одна – Христианская Церковь. Поскольку общин было много, учение подвергалось адаптации и генерировались новые истины, но эксклюзивизм оставался. В современном плюралистичном мире каждая христианская церковь претендует на полноту богообщения и спасения, и усилия просвещённых глав церковью установить общение между разными ветвями не всегда находят понимание у догматических последователей.

5. Посредничество третьей стороны, власти, а именно, императора Константина, который указал на жизнеспособный путь развития христианства и для этого собрал первый все-

ленский собор, где был утверждён символ веры.

6. В Евангелии множество глубоких суждений о жизни, которые нельзя обойти стороной: это антропология добра и зла, этика терпения и сострадания, социология самоограничения, ненасильственная конфликтология, дилеммы детерминизма и индетерминизма, фатализма и волюнтаризма, утилитаризма и деонтологизма.

7. Обращение не только к вечным вопросам бытия человека, но и участие в социальных программах преобразования общества (наука, технологии, образование, демократия). Современное христианство – это пост-евангельский феномен, когда Библия – самая распространённая книга на земле, которую мало кто читал, кроме священников и воцерковлённых. Однако христианство продолжает быть в гуще социальных и политических вопросов. Христианская демократия на разных этапах в Италии, Чили, Восточной Европе выступала ведущей политической силой социального некоммунистического государства, а Германия по-прежнему остаётся самой большой политической коалицией.

Существенная причина успеха мировой религии – это создание сложных, провокационных, диалектических, привлекательных текстов, способных рождать веру. Евангелия атрибутируются Марку, Матфею, Луке, Иоанну, но сначала это были нарративы, а затем их стали приписывать апостолам. Антиномичность Нового Завета не мешает распространять христи-

анскую харизму, даже напротив. Удивительно не то, что есть противоречия в текстах, а то, что христианство завоевало мир. От первых десятков последователей к нескольким миллионам после официального принятия христианства религией империи Константином. Если бы христианство не стало мировой религией, то не было бы европейской цивилизации. Религия терпения, сострадания и великой мечты вела человечество сквозь холодные и тёмные времена европейского Средневековья.

Даже после стольких рациональных текстов историков религии и библеистов от Эрнеста Ренана до Барта Эрмана, которые раскрыли, что Библия написана человеком, это ещё больше возвысило её [6]. Теперь мы поражаемся тому, как человек способен придумать Бога. Изумительно также то, что он придумал столько много религиозных толкований на одном тексте. Творческая способность, воображение, идеализация, гипостазирование – всё это технологии проникновения в трансцендентное, прекрасное далёко.

Исторически нельзя подтвердить чудесные деяния, совершённые Иисусом Христом, такие как претворение воды в вино, укрощение бури, хождение по воде, насыщение четырёх тысяч человек семью хлебами, уплата налога статиром из пасти рыбы, исцеления, воскрешения. Это теологические чудеса, не исторические. Они существуют только внутри чудесного нарратива, который принимается на веру и поддерживается верой.

Социальная справедливость и декларация любви

Национальные религии, ярким примеров которых является иудаизм, хранят память о страдании социокультурной общности и ожидании высшей справедливости. Эта тема затем помещается в центр религиозной практики. Так, ветхозаветная Пасха – это мемориальная эстафета еврейского народа о египетском плене и исходе в Землю обетованную. Каждый предмет и действие в этом поминальном вечере должны были возвращать к теме родового страдания и избавления: чаша с соленой водой – слезы, пролитые евреями во время египетского рабства; пресный хлеб – чистоту; горькие травы на столе – скорбь; паста харосет из фиников, орехов и граната – глинобитные работы, на которых были заняты поработанные евреи. Диалоги во время священной трапезы также очень церемониальны. Фразы, которыми обмениваются присутствующие во время праздника: самый младший должен задать вопрос о его смысле, а старший рассказывает историю исхода израильтян из Египта.

Христианская Пасха также выстроена как коммеморация и воспроизведение общения Христа с учениками. Это литургическая мистерия разделения плоти и крови Иисуса.

Христос задал наивысший стандарт любви. Он революционно нарушает всё те запреты, на которых держалось еврейское общество: прикасается к прокаженным; обедает с грешниками и мытарями; спасает не-

чистых женщин; прикасается к трупам; проповедует иноплеменникам; ставит веру римского сотника выше, чем веру израильтян, предрекая затмение славы Израиля благочестием с востока и запада; даёт повеление ученикам нести Евангелие нечистым язычникам до края земли. Это революция универсальности трансцендентного, выраженного в актах социальной инклюзии.

Когда исследователи доказывают, что Иисуса обожествили последователи, это неверно не исторически, а социально. Всякий, кто принимает самопожертвование Иешуа как высший этический идеал, уже обожествляет его. Христология – это динамический моральный акт, претворяемый по эстафете от деяний в Назарете по всей планете.

Многие героические поступки по сути являются христианскими, хотя сам мученик не был христианином. Муса Джалиль – татарский поэт, военный корреспондент, организовал подпольную деятельность в фашистском тылу и за это был казнён на гильотине 25 августа 1944 года в Берлине. Муса знал, что бросил вызов страшной машине нацизма. Он сознательно вступил с ней в неравный бой и погиб. Драматурги, которые ставят оперу «Джалиль», говорят о том, что, несмотря на то что Муса Джалиль был мусульманин, тема его вызова и смерти христианская, она созвучна с первыми словами Пасхальной молитвы: «Христос воскрес, смертию смерть поправ».

Необходимость религии со- страдания

Особенность современной эпохи — доступность благ, индивидуализм, эгоизм, хайповость сознания. «Потребительская идеология рыночного общества связана с гедонистической моралью, санкционирующей стремления агентов потребления к самоцельным чувственным наслаждениям» [1, с. 76]. Христианство сегодня востребовано прежде всего как аскетическое учение, этика сострадания, дело социальной благотворительности и развитие гражданского самосознания [4, 6]. Религия учит человека быть неравнодушным. Она обращает внимание на вечные аспекты нравственности, которые очень часто диковинны и непонятны в системе общественных нравов: прощение врагов, смирение, самоограничение, скромность.

Совокупность общественной морали и индивидуального воспитания приводят к тому, что родители теряют чувство эмпатии к детям. Распространены случаи, когда отцы и матери оставляют детей одних в коляске, машине, часами занимаясь покупками. Отдельные сознательные граждане, привлечённые плачем ребёнка, пытаются успокоить его, ищут родителей, а те затем, счастливые, с улыбкой, как ни в чём не бывало возвращаются из торгового центра. Такие случаи становятся постепенно обыденными: мать задержалась на 3 часа в салоне красоты, пока полуторагодовалый ребёнок истерично плакал в машине; отец оставил коляску со спящим ребёнком перед входом в магазин и т. п.

Эмоционально холодная мать — феномен общества скоростей, женщина, у которой адреналин успеваения заглушает эмпатию. Это нарушение не только на уровне долга, но и на уровне мозга: гормоны не вырабатываются, нет физического контакта. Она не чувствует ребёнка, не даёт ему ласку, постоянно ругает, не хвалит, не говорит по душам, смеётся над слезами. Психологические проблемы дочери такой холодной матери в том, что дочь не ценит любовь как дар, она считает, что любовь нужно заслужить, брать на себя много обязанностей, тащить на себе хозяйство, детей, бизнес.

Невероятный по жестокости случай произошёл в Кирове, где 21-летняя мать оставила девочку одну дома без воды и еды на неделю умирать. Пока девочка грызла стиральный порошок, мать развлекалась по барам и записывала с подругой ролики про то, как готовить. Она не работала, её с ребёнком содержала бабушка, хотела отдать ребёнка в детский дом.

В Москве на Ленинградском шоссе мать оставляла ребёнка в квартире одну без света и воды. Вела glamorous жизнь и приносила еду несколько раз в неделю пятилетней девочке-маугли, которая не умела говорить, шарахалась от людей и нюхала еду, когда её нашли, взломав дверь.

В обществе мало сострадания, зато много хайпа. В Нижегородской области мать задушила и сожгла детей, мешавших ей лететь на курорт. При этом она тратила по 40 тыс. руб. на аренду машины. Ещё одна эмоцио-

нально холодная мать. Как и горематери в Кирове и Москве она была очарована гламурным образом жизни.

Другая мать в Подмоскowie выбросила одного за другим в окно 15-го этажа двоих сыновей. «Они мне надоели». Дети плакали: «Мама, не выбрасывай меня». Ещё одна мать час говорила по телефону с подругой, а её годовалый ребёнок в это время утонул. Также был недавний случай, когда женщина с любовником убили полуторагодовалого ребёнка и сели играть в компьютерные игры, пока тот умирал. Это иной тип асоциального поведения родителей. Он отличается от случаев, когда женщина-алкоголичка с низкой социальной ответственностью рождает дома и выбрасывает ребёнка на помойку.

Вопреки технологическому прогрессу уровень морального сознания остаётся низким в массе. Необходимо постоянно повышать нравственное сознание общества, бдительность, сострадание. Сотрудники органов опеки не могут следить за всеми семьями сразу, поэтому немаловажная роль отводится очевидцам плохого обращения с детьми. После обращения неравнодушных граждан в семью наведается уполномоченное лицо с целью проверки условий жизни малыша.

Только так можно не допустить такого страшного преступления, как убийство малолетнего с особой жестокостью. Следственный комитет пытается сделать крайними педиатров. В условиях нехватки врачей, их постоянной загруженности, отсутствия в

должностных инструкциях положения, обязывающего следить за обращением с детьми, одним из пунктов национальной стратегии безопасного детства может стать увеличение внимания личности педиатра. Если мы хотим, чтобы детский врач больше уделял личного внимания каждому ребёнку, то нужно увеличивать численность персонала детских медицинских учреждений. Особое внимание следует уделить семьям, дети которых не посещают детский сад. Отсутствие без предупреждения ребёнка из неблагополучной семьи в детском саду становится первым звонком, который может спасти жизнь ребёнку, если сотрудники вовремя обратят на это внимание. Например, в Улан-Уде так удалось спасти жизнь малыша, опекун которого, бабушка, умерла и он сидел рядом с её трупом три дня.

Зачастую внимание граждан к положению ребёнка является его единственной надеждой на спасение. В Москве на Ленинградском шоссе именно соседи настояли на том, чтобы взломали дверь. Они неоднократно вызывали социальных работников и участкового, но поскольку дверь не открывали, девочка прожила несколько лет в квартире, заваленной мусором, без ухода.

Границы дозволенного стали размытыми, они сместились. Маргинальное неожиданно вторгается в повседневность. Брутальное становится обыденным, затираясь в потоке новостей. Чёрствость – это повседневность причащения к низменному, катарсис

наоборот. Жестокость подростков: третьеклассницы решили проучить новенькую агрессивную ученицу, устроив ей бойню, при этом снимали избиение на камеру мобильного телефона.

Отсутствие сострадания – это фактор прорывающегося лингвоцинизма публичных спикеров: «одна актриса жалуется на то, что у неё «холодок по спине пробежал», на что другая отвечает, что это «дух замерзшего генерала Карбышева», который «подошёл сзади и приобнял»; владелец фирмы «Владыка морей», торгующей морепродуктами: «При заморозке мидия погибает, как генерал Карбышев, с плотно стиснутыми зубами. Если створки приоткрыты она замерзла уже дохлой». Возможно, что это и сознательная политика по дискредитации советской истории и патриотизма.

Мы излишне сгущаем краски и насилие – это неизбежный аспект общественной жизни? Однако рост насилия среди несовершеннолетних отмечают и в МВД: драки, самосуды, записи расправы для публикации в сети. Каковы причины? Отчуждение? Подражание взрослым? Самоутверждение? Индивидуализм? Объединение школ? Неврозы? Отсутствие благоприятной социальной среды? Разрыв между бедными и богатыми? Неполные семьи? Алкоголизм родителей? Однозначно можно отметить повышенную занятость родителей, дефицит внимания и моральную чёрствость общества сытости. Мы стали меньше разговаривать, интересоваться жизнью детей; не успеваем следить за их контактами и

контентами в сети, подписывать дневник, проверять домашнее задание.

Почему «отказники» не плачут? Подавляются центры эмоционального развития, что не может не сказаться на будущем ребёнка, он может вырасти с психологическими трудностями: эмоционально холодная мать, гиперопека, комплекс жертвы, «мне все должны», одиночество, комплекс неполноценности, ресентимент, интенсивное чувство ревности, вины. Матрица рождения повторяется снова и снова. У таких детей могут быть либо очень хорошие семьи, как антипример их собственной, либо такие же дети, рождённые от случайных связей без серьёзных обязательств. Они воспроизводят те же паттерны поведения.

Мир стал скоростным, насыщенным и децентрированным, бессердечным. Потребительское общество холодных контактов. Только бизнес. Доступно много видеопроизведений со смещёнными ценностными ориентациями: насилие, нарушения общественной морали, издевательства, натурализация зла. Хотя по сценарию подобные проявления могут осуждаться, они делаются эстетично, со вкусом. Для людей со слабой рациональной рефлексией достаточно смакования образов для образования девиантных паттернов. Когда религия занималась цензурой культуры, она отбраковывала любовные пороки. В секулярную эпоху практически не осталось ни одной тёмной стороны человеческого поведения, которое бы не стало предметом эстетизации.

Заключение

Христианство – это земная и трансцендентная религия одновременно. Человечество всегда жило с идеей справедливого мира. Христианство даёт его здесь и сейчас. Причём не только теологически, но и практически, через христианскую демократию, общество равных возможностей и права человека. Христианство возникло как протест против несправедливости. Молодёжь должна помнить, что всё, что мы имеем сегодня в западной цивилизации, – наука, университеты, рыночная экономика, конституция – возникло при самом непосредственном участии христианства и его социальной доктрины.

Отдельно следует сказать заключительные слова о Христе как моралисте. Действительно, массовое общество никогда не понимало Христа ни в прошлом, ни сейчас. Толпа не готова принять Христа в качестве нравственного спасителя и поэтому вопрос о реабилитации Иисуса Христа – вечный, он не может быть закрыт.

Православие – это один из культурных кодов России наряду с исламом, иудаизмом, буддизмом. Это великие монастыри русского севера, окраинные военные форпосты, это социальная память о Другой России: России Деникина и Ильина, убиенных Романовых и других мучениках XX века [3].

Сегодня РПЦ МП на Украине сталкивается с новым вызовом на христианский подвиг. Нести послание мира и любви, когда тебя запугивают и

осуществляют рейдерский захват храмов. Церковь как организация верующих на определённой территории всегда была связана с государством, и продолжение её институализации в русле государственных политик не является новеллой. Пока соседи формируют поместную церковь с митрополитом «Всея Украины», Московский патриархат активно продвигает концепцию Вселенской церкви, консолидируя приходы в Европе и Азии в новые патриаршие экзархаты [5].

Православие – это мистицизм сердца, видение космоса и истории в свете богочеловечества. Это призыв во всей Вселенной, переживание разнообразия единства во Христе.

Христианский плюрализм – это огромное разнообразие церквей, восточных и западных, дохалкидонских и халкидонских, православных, католических и протестантских, скрепленных верой в трансцендентный идеал.

Рационализация лишила нас веры в таинство мира. Мы не можем как язычники быть убеждёнными в защите богов или как первые христиане уповать на милость Христа. Мы обречены анализировать, видеть, обнаруживать в религии. Монах Оккам научил нас пользоваться бритвой и срезать всё лишнее. Так мы остались голыми и обрезаем веру в чудо. Однако, забыв религию, мы остались с пустотой перед страданием и смертью. Христос, как и Грета Тунберг, остаётся для нас «искренним и радостным, но плохо информированным» субъектом.

Библиографические ссылки

1. Белоусов П. А. Философско-религиозные основания морали полов: православный гуманизм и современность // Вестник ВлГУ. 2019. № 1. С. 76 – 87.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // И. Кант Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 78 – 279.
3. Тимощук А. С. Православие и развитие русской цивилизации // Русская православная церковь и русская цивилизация: XXVI Рождественские православных-философские чтения (13 января 2017 г.). Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2017. С. 234 – 238.
4. Тимощук А. С. Православная церковь и тюремное служение: вопросы подготовки кадров // Православие и общество: грани взаимодействия : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Забайкал. гос. ун-т ; Чита : ЗабГУ, 2018. С. 201 – 203.
5. Тимощук А. С. Русская православная церковь и социальные процессы новейшей истории России // Православие и общество: грани взаимодействия : междунар. науч.-практ. конф. в рамках VII Забайкальских Рождественских образ. чтений регион. этапа XXVI Междунар. Рождественских образоват. чтений. Чита, 2017. С. 145 – 147.
6. Тимощук А. С. Участие христианства в укреплении гражданского самосознания // Участие гражданского общества в укреплении правопорядка : материалы междунар. науч.-практ. конф. Владимир : РАНХиГС, 2019. С. 200 – 207.
7. Ehrman B. D. How Jesus Became God: The Exaltation of a Jewish Preacher from Galilee. San Francisco: HarperOne, 2014. 416 p.

A. S. Timoshchuk

PERTINENCE OF CHRISTIAN MORAL PHILOSOPHY

The author proceeds from the position that we do not know Christianity completely and the potential of its service to humanity has not yet been exhausted. Moral values and the future of mankind are an endless topic in which Christianity takes on the importance of preserving traditional cultural and historical values.

Keywords: cultural genetics, christology, moral philosophy, religion of salvation, kenosis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛЛАЕВА Сабина Шихсеидовна – ассистент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, преподаватель Колледжа инновационных технологий и предпринимательства Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

e-mail: amirseiidova.sabina@yandex.ru

АНДРЮШЕНКО Михаил Трофимович – доктор философских наук профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

viro33@mail.ru

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

e-mail: eiarinin@mail.ru

БАЛДИН Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор профессор Ивановского государственного университета

kebaldin@mail.ru

БЕЛЯЕВА Юлия Вячеславовна – студентка 3-го курса Смоленского государственного университета

innakor@mail.ru

КОРОЛЁВА Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета

innakor@mail.ru

МАМЕДОВА Нармин Вугаровна – студентка второго курса кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

e-mail: naramamed2001@gmail.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

markovius@gmail.com

МЧЕДЛОВА Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор зав. кафедрой сравнительной политологии РУДН, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН)
mchedlova@yandex.ru, mchedlova-mm@rudn.ru

ПЕТЕВ Николай Иванович – кандидат философских наук старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
cyanideemo@mail.ru

ПОЛЯКОВА Мария Андреевна – преподаватель кафедры философии и истории Горловского института иностранных языков
polykov.mariya.93@mail.ru

САМСОНОВА Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта
ekaterinaziza@yandex.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
a@timos.elcom.ru